

Цун ЭР
(Кыргызстан)

ЗЕЛЕНый ВИХРЬ, ЖЕЛТАЯ БУРЯ

Роман

Продолжение. Начало в № 9, 2025.

Рассказ Лотара в штабной палатке со многими воспоминаниями, не сказанными им вслух

...Глядя на жизнь своих армейских сослуживцев-офицеров, начиная от вновь произведенных лейтенантов до седовласых полковников, я понял, что жизнь похожа на бесконечную дорожную колею – длинна, скучна и однообразна. С раннего детства муштра, муштра и снова муштра. Правда, с одной разницей: прежде муштровали меня, теперь я – солдат своей артиллерийской роты. Разнообразие вносили учебные стрельбы и изредка офицерские балы с девицами на выданье и их чопорными мамашами, в оба глаза успевающими и за ними присмотреть, и зятя будущего приглядеть. Благо, я увлекся новомодным видом спорта – английским боксом – и имел хорошие успехи. Иногда еще удавалось вырваться из своего провинциального Бранденбурга на Хафеле, где размещался наш артиллерийский полк, в столичный Берлин. Пыхтящий черными клубами дыма паровоз довозил нас с товарищами до Потсдамского вокзала. От него рукой подать до Рыбацкого моста, а там и Клостерштрассе со своими «веселыми домами». В общем, набор развлечений оставлял желать лучшего. Поэтому неудивительно, но это, к сожалению, так: нам хотелось... войны. Действительно, для чего готовят военных? Куда девать их энергию и силу молодости? Нам грезились боевые походы, грохот и дым сражений, поверженный враг, чувство победителя. Пруссия давно не вела войн. Ну, если не считать драчки с соседями-датчанами пару лет назад. Однако подготовка к чему-то серьезному шла полным ходом. И вот летом одна тысяча восемьсот шестьдесят шестого года наш артиллерийский полк двинулся на войну. «Сам король идет с нами!» – с воодушевлением объявил строгий и справедливый командир полка, генерал, барон Фредерик фон Манштейн. Король Прусский Вильгельм I имел любовь и уважение в народе, потому известие это вдохновляло нас. Войска растянулись на многокилометровые колонны, медленно продвигаясь с северо-востока на юг. Воевать предстояло с австрийцами и их союзниками баварцами, венграми, румынами. Не встречая на пути противника, мы миновали Дрезден и на следующий день расположились лагерем вблизи уютного богемского городка Кениггреца. Командир полка довел до нас приказ главнокомандующего: готовиться к сражению. После тщательной рекогносцировки местности мы выдвинулись и заняли пригорок, слегка возвышающийся над почти квадратной долиной с ровными изумрудными полями и небольшой деревней под названием Садова. Ранним утром третьего июля на этом клочке земли в боевом порядке застыли полки гренадеров, фузилеров, кирасиров, уланов, драгунов, гусаров. Семьсот новейших пушек Крушпа заняли все близлежащие возвышенности и нацелились своими стальными жерлами в сторону врага.

Первое сражение в жизни всегда особенное. Я понятия не имел о реальных военных битвах. Но то, что вся эта масса людей вместе со мной обречена

на гибель, я почти не сомневался. Каждому достанется по пуле или цинковой картечи, иначе к чему эти горы боеприпасов. Однако страха погибнуть совсем не ощущалось. Почему? Наверное, потому что умирать страшно в одиночестве, а здесь каждый выказывал свою смелость, удасть, геройство, гоня, скорее всего, тем самым прочь мысли о близком конце, и мне не оставалось ничего другого, как следовать их примеру.

Вскоре раздались первые пушечные выстрелы. Начался обмен смертью. Гренадеры и фузилеры изготовились к бою, в последний раз проверили, надежно ли прикреплены к стволам штыки, прошептали, кто вслух, кто про себя, короткие молитвы и смело двинулись вперед. Любо-дорого было смотреть на их стройные ряды, время от времени по команде дружно замирающие, чтобы произвести оглушительный залп из тысяч винтовок. Засмотревшись на них, я с ужасом заметил, как сначала над их головами пронеслись шрапнельные гранаты и взорвались чуть позади, а потом они стали попадать прямо в гущу солдатских рядов и прореживать их, разбрасывая жертвы под ноги идущих сзади. Стреляла батарея австрийцев, стоявшая на другом конце поля возле ручья с узким каменным мостиком. Она была тщательно замаскирована, и потому ее сразу не заметили. По частоте вздымающегося из пушечных стволов дыма стало ясно, что вскоре от фузилеров не останется и половины. Наша рота ждала приказ командира полка и еще не вступала в дуэль.

– Стрелять первой батарее! Цель – вражеские орудия у каменного мостика! – неожиданно для себя прозвучал мой собственный приказ... Вот так, безо всякой команды сверху я вступил в бой. Голова заработала на удивление четко и ясно, пальцы быстро забежали по логарифмической линейке.

Опытные воины давно заметили, что у молодого бойца сердце подрагивает от страха и в животе тянет тонкой резью лишь до вступления в бой, когда с широко открытыми от ужаса глазами всматривается он в разворачивающийся перед ним земной ад. Но как только он вступает в битву, страх мгновенно улещивается, человека охватывает ярость, ожесточение, и ничто на свете больше не пугает его. Он не замечает опасности, не чувствует боли. Ни своей, ни чужой.

– Фугасным... Заряд первый... Прицел... Буссоль...

– Готов!.. Готов!.. Готов!.. – один за другим донеслись сквозь грохот, несущийся с поля, голоса шести канониров-наводчиков первой батареи.

– Огонь!

Первым же залпом мы разметали в клочья вражескую батарею. Она тут же смолкла. Было видно, что оставшиеся в живых спешно меняют позицию, навалившись на пару пушек и толкая их вглубь обороны прямо по узкому мосту. Пехота наша воспряла духом и под дробь барабанов ускорила наступление.

В это время к нам, лихо держась в седлах, примчались два штабных офицера и наш командир полка Фредерик фон Манштейн.

– Какого черта, лейтенант?! – гневно заорал на меня один из штабных. – Почему огонь без приказа?! Кто позволил?!

– Там пехота погибала, – попытался оправдаться я.

– Если каждый будет своевольничать, во что превратится армия? С вами будет отдельный разговор, – жестко предупредил меня командир полка. Затем добавил: – Однако, поздравляю вас, лейтенант Ланков! Отличная работа!

– Рад служить нашему королю! – бодро ответил я.

– Господин лейтенант, обратите внимание на возвышенность у излучины реки, – обратился ко мне второй штабной офицер с картой в руках. – По данным разведки, там находится около двухсот орудий противника. Вероятно, они ждут наступления нашей кавалерии. Ваша задача – сосредоточить огонь на этой высоте. Поддержать нашу кавалерию, как только она пойдет в атаку. Всё понятно?

– Так точно, – отдал я честь отъезжающим на другие позиции офицерам и Фредерику фон Манштейну.

Схватив монокуляр и определив расстояние, я быстро произвел расчеты. Через короткое время обе наши батареи были наведены на неприятеля, ничем пока себя не выдававшего. Вскоре под нами задрожала земля. Тысячи уланов, гусаров и кирасиров в разноцветных мундирах с саблями, засверкавшими под лучами яркого солнечного света, пиками, вытянутыми впереди своих резвых коней, устремились в лобовую атаку. И тут же с указанной возвышенности потянулись вверх клубы дыма, рвущиеся из двух сотен стволов, а ветерок через мгновение донес грохот пушечных выстрелов. Артиллерийские расчеты австрийцев имели хорошую выучку. Гুলки ухающие, тяжелые снаряды вздымали груды земли, сносили всадников и коней как кегли на узкой деревянной дорожке. Противно визжащие гранаты разрывались на мелкие осколки, дырявя тела и головы несущимся без удержу вперед всадникам.

– Огонь! – дал я команду ждущим в нетерпении канонирам. Все снаряды легли в цель. Две тяжелые пушки перевернуло, как детские игрушки. Старый канонир Отто, стоявший рядом, удивленно покачал головой и громко крикнул: «Удачливый вы, лейтенант!» Вторым залпом мы снесли еще две пушки врага. Тут я заметил, что на вражеской позиции собравшаяся кучка офицеров стала бурно что-то обсуждать, показывая руками в нашу сторону. Тотчас десять орудий развернулись и стали брать нас на свой прицел. Начиналась смертельная дуэль. Пока я вносил поправки и отдавал приказ канонирам, враг начал пристрелку из двух орудий. Снаряды легли метрах в пятидесяти от нас. Значит, сейчас внесут коррективы, а потом держись. «А вот я по вам, без пристрелки... Огонь!» Наши снаряды снова легли точно в цель. Три вражеских орудия вместе с расчетами разметало по сторонам.

– Меняем позицию! – едва успел скомандовать я, как под нами ходуном заходила земля. Попадание врага было точным. Хотя орудия не пострадали, но четверых солдат третьего расчета первой батареи мы лишились. Увидев их останки, повисшие на лафетах, стволах, колесах, оторванные головы, вырванные животы, к моему удивлению, я не испытал ни рвотного рефлекса, ни содрогания в мозгу.

– Убрать в сторону убитых! Очистить орудие!.. Батарея, огонь! – жестко скомандовал я.

Менять позицию не имело уже смысла. Мы перешли на беглый огонь. Кто кого. Каждое точное попадание вызывало ликование. Убить, уничтожить, больше и быстрее. Я уже не задумывался, что при этом кто-то лишается отца, брата, сына. Вот как быстро черствеет душа на войне. Слава Богу, вскоре конница прорвала оборону австрийцев, и они стали незамедлительно оттягивать артиллерию назад. Зато нам пришлось выдвигаться вперед. От нашей роты осталось чуть больше половины. И вот уже в конце сражения, когда стало понятно, что наша взяла, австрийские гренадеры кинулись в свою последнюю атаку отчаяния.

К двум часам дня исход сражения стал ясен. Еще один натиск, и наши прусские клещи сомкнутся. Австрийскому генералу Бенадеку надо было срочно спасать армию и собственную шкуру. Он, видимо, предусматривал такой вариант – нас встретил столь мощный артиллерийский заслон в глубине обороны, что после короткого совещания гений войны генерал фон Мольтке решил не губить солдат, и над задымленным полем понеслись звуки горнов, возвещающие конец сражения. Через три недели война победоносно закончилась. Мы, ее герои, вернулись в казармы. Мой мундир украшал орден Красного Орла четвертой степени. Это очень высокая награда. Она вызывала зависть у товарищей, но странным образом не приносила мне самому особой радости.

– А вы, господин лейтенант, позволю себе заметить, не очень-то и рады своему ордену, – как-то заметил старый канонир Отто во время перекура на учебном плацу.

– С чего это вы так решили? – с легким любопытством спросил я набивающего табаком трубку Отто.

– Вот вы, например, каждую пушку в день по несколько раз осмотрите, по каждому механизму прикажете маслицем пройти, натереть всё до блеска, а вот с ордена пылинку смахнуть забываете. Другие офицеры – грудь колесом, каждую свободную минуту любят свои наградами, ветошь особую для протирки с собой носят.

– Наблюдательный вы человек, – ответил я на его слова.

– А знаете, вы ведь не первый такой, – неожиданно продолжил он.

– Ах, даже так. Интересно... – мне на самом деле стало любопытно, что скажет дальше старый канонир.

– Я уверен, вы считаете Красного Орла на груди наградой за массовое убийство.

– Да... погибло столько людей...

– И это вас мучает.

– Я понимаю, что это война. Я офицер. Мое предназначение – воевать. Но людская смерть оказалась более страшной, чем представлялось. И я принимал участие на стороне смерти.

– Однако вы спасли сотни жизней наших товарищей.

– Тоже верно.

– Так вот, вашей вины во всем произошедшем столько же, сколько, скажем, в этих вот пушках. Они – механизмы в наших руках. Мы – куклы в других. А верховодит всем – Он! Там, наверху. И когда поймешь это, сразу легче станет.

– Хм-м... Всё списать на Него?

– Понимаете, от нас ничего не зависит.

– Совсем?

– Абсолютно!

– Позволю не согласиться. То, что рука Господня везде и во всем, с этим я, пожалуй, соглашусь. Но она же непременно подводит нас к черте, где всегда есть выбор: или – или. Выходит, кое-что решаем и мы, грешные.

– Это всего лишь иллюзия, которую Он же нам и дает.

Против такой логики возразить было нечего. А может, он прав? Я вспомнил свои долгие и мучительные сомнения: посвятить себя мирной математической науке или военной службе? Кто сделал тогда выбор? Я сам, или все-таки Он за меня?

– И еще, – вновь раздался голос канонира Отто, – только не посчитайте это за наглость. У вас имеется необыкновенный талант. Такой дьявольски точной стрельбы мне не приходилось встречать ни разу в своей длинной жизни. Однако военная карьера вам заказана.

– А это еще почему?

– Военная служба не для совестливых людей.

Разговор со старым канониром помог мне понять, что в жизни своей надо что-то менять. Но легче сказать, чем сделать. Просто уйти со службы я не мог. Мой контракт, можно сказать, только начался. Да и куда идти? Кем работать? И вообще, мне не с кем было даже поделиться своими терзаниями. Сослуживцы однозначно не поймут меня, и затем не уберечься от насмешек или того хуже – презрения. Марта Экхард, бойкая дочь местного мясника, прежде не слишком охотно позволявшая ухаживать за собой, теперь воспылала страстной любовью, была неразлучна со мной, как орден на груди, и однозначно видела во мне будущего мужа и генерала. Разрушать ее мечты было бы верхом жестокости и

вероломства. Я продолжал нести службу в надежде, что рано или поздно рука Господня проявит себя. И вот, хотите верьте, хотите нет, но ровно через месяц после того разговора, посеявшего сомнения в правильности выбранного пути, меня вызвал к себе командир полка Фредерик фон Манштейн. Штабной адъютант был любезен, провел в обставленный по-прусски просто кабинет, где кроме командира находился весьма представительный господин. Они стояли у штабного стола, покрытого зеленым сукном, и рассматривали прекрасно выполненную металлическую модель родной полевой пушки С64.

– Превосходная работа. Премного благодарен за столь любезный подарок от самого господина Круппа, – учтиво поблагодарил господина командир нашего полка. – А вот и господин лейтенант. Прошу знакомиться.

– Клаус Грюневальд, коммерческий директор компании Крупп, – господин первым представился и протянул свою холеную руку. Его безымянный палец украшал золотой перстень со сверкающим бриллиантом редкой огранки.

– Командир второй артиллерийской роты лейтенант Лотар Ланков, – выпалил я, отдав честь, а затем аккуратно пожал его руку. Сделав шаг назад, я застыл, вытянувшись во весь фронт.

– Вольно! – позволил мне расслабиться командир. – Прошу всех садиться.

Мы расселись у штабного стола на крепких деревянных стульях с высокими гнутыми спинками. Я просто терялся в догадках, о чем может пойти речь.

– Лейтенант Ланков, как вы понимаете, я пригласил вас сюда не случайно. Слухи о ваших необычайных снайперских способностях достигли кабинета самого господина Альфреда Круппа. По его личной просьбе к нам прибыл господин Грюневальд, – командир полка вежливым наклоном головы предоставил слово гостю.

– Постараюсь быть предельно кратким. В Европу прибыла военная делегация из России для закупки крупной, очень крупной партии артиллерийских орудий. Она уже побывала в Англии и Франции. Теперь очередь за нами. Мы должны показать и доказать, что наши орудия лучшие в мире. Кроме дальности и скорострельности русские должны убедиться в точности наших пушек. У меня появилась информация о вашем незаурядном таланте. Я решил рискнуть и пригласить именно вас продемонстрировать свои способности на показательных стрельбах.

– Прусский офицер готов к любым испытаниям, – пафосно заявил я.

– Превосходный ответ, – прозвучал голос господина Грюневальда, и на его лице промелькнула легкая улыбка.

Показательные стрельбы проходили на полигоне в Тегеле, близ Берлина. Место знакомое. Каждый клочок земли, каждая мишень или макет укрепленного сооружения были пристреляны. Ничего нового, кроме легкого, повышенного волнения – первый раз, да еще перед весьма высокими гостями. Господин Грюневальд шепнул, под большим секретом, что огромную делегацию возглавляет родной брат русского царя Великий Князь Константин, большой знаток артиллерийского искусства. Делегация русских оказалась на самом деле внушительной и многочисленной. Кроме генералов, офицеров, бородатых казаков из личной охраны Великого князя, наводнивших тесный полигон, прибыли важные владельцы заводов, военные инженеры и даже несколько ученых-изобретателей.

Стрельбы произвели на них сильное впечатление. Земля дрожала и гудела, клубы дыма заслоняли небо, а от грохота даже не спасали ватные наушники, и большинство крепко зажимало уши ладонями.

После залповых стрельб перешли к одиночным. Недоверчивые русские офицеры вытребовали позволения самим установить различные мишени на

разных дистанциях, затем выбрали два полевых орудия, из которых мы должны были поразить их наименьшим числом выстрелов. Господин Грюневальд подозвал к себе опытного заводского канонира-испытателя, капитана от артиллерии Людвига Шротта и затем меня.

– Стрелять будут они! – громко объявил он гостям. – Ну, с Богом! – напутствовал он нас.

Русские офицеры вручили нам список мишеней и очередность стрельбы. Каждому досталось по шесть целей. Мы отошли к своим ожидавшим наших команд орудийным расчетам. Первым стрелял капитан Людвиг Шротт. Командир полигона поднял вверх белый флажок. Внимание всех тут же устремилось на него и мишени. Десятки подзорных труб прильнули к глазам.

– Огонь! – Один за другим раздавались выстрелы, команды, выстрелы. Друг за другом разлетались вдребезги фанерные мишени. Капитану понадобилось шесть выстрелов.

Настала моя очередь. Взлетел в воздух белый флажок. Тут же улегчилось волнение. Команда – выстрел, команда – выстрел... Мне удалось поразить шесть целей теми же шестью выстрелами. В рядах гостей раздались аплодисменты. Затем мы отстрелялись по стандартным мишеням, применяя самые разные виды снарядов. Точность превзошла все ожидания господина Грюневальда. Он гордо прошаживался среди восхищенных гостей с абсолютной уверенностью в скором подписании выгодного контракта.

Неожиданно вперед вышел русский вельможа. В руках он держал огромную бутылку французского шампанского «Вдова Клико» со знаменитой желтой этикеткой.

– Господа, – громко обратился он к своим соотечественникам, – эту бутылку мы установим на расстоянии трехсот ярдов. Каждому канониру даем по одному выстрелу. Если бутылка вдребезги – мы сегодня же заключаем контракт. Это слово графа Шувалова! – Раздались аплодисменты и веселые крики, одобряющие его затею. Господин Грюневальд обратил взгляд на нас. Капитан Шротт кивнул головой. Я последовал его примеру.

Едва различимая на расстоянии в триста ярдов бутылка с шампанским стояла на деревянном табурете. Первый выстрел был за капитаном. Расчет четко исполнил его команды. Он сам еще раз проверил точность наводки, сделал шаг в сторону.

– Огонь! – прозвучал приказ.

Пушка ухнула, лафет вздрогнул, из ствола вырвался стук пламени и сизого дыма. В напряженной тишине послышался свист рассекаемого снарядом воздуха. Видно было, как шелхнулась, качнулась бутылка, но осталась целой и невредимой. Громкий выдох разочарования пронесся над полигоном. Гости, цепко вглядывающиеся в подзорные трубы, разом зашумели, загудели, показывая руками, что снаряд прошел в каком-то дюйме мимо цели. Господин Грюневальд заметно занервничал. Он перестал бодро прошаживать, отложил в сторону бокал с вином и не отводил от глаз свою трубу. Внимательно оценивая промах опытного капитана, я понял, что он сделал всё верно, кроме одного – поправки на... прогретый солнцем воздух. Такой поправки не существовало в наставлении по стрельбе. Но из своего опыта я вынес, что разрежение воздуха вносит свои, едва заметные коррективы в полет снаряда.

– Огонь! – скомандовал я и на мгновение провалился в безмолвную пустоту. Никогда еще доля секунды не длилась так долго, как в тот раз. Я не услышал резкого грохота выстрела, не почувствовал удара звуковой волны в ушах, но я прекрасно видел весь полет огненного, крутящегося вдоль своей оси снаряда, и то, как он врывается в бутылку, разметая в стороны осколки стекла и мириады пу-

зырьков вспенившегося благородного напитка. «Попал!!!» – сверкнула молния в голове. А только затем донесся гром восхищенных криков и аплодисментов.

Граф Шувалов размашистым шагом подошел ко мне, крепко обнял, хлопал по спине. Затем снял с холеного пальца золотой перстень с двуглавым орлом, глаза которого светились красными рубинами. «Ты заслужил его, лейтенант!» – такими были его слова. Командир полка Фредерик фон Манштейн поправил колечки своих тонких усов, крепко пожал мне руку и отдал честь, как знак восхищения.

– Твое место не в армии, а на службе у господина Крушпа, – негромко произнес счастливый господин Грюневальд, долго не отпуская мою руку.

– Не знаю, как, но ты это сделал, дружище! – произнес капитан Шротт, положив свою тяжелую руку мне на плечо. Его, без тени зависти, по-мужски прозвучавшая похвала была мне дороже любых наград.

Граф Шувалов сдержал свое слово, и контракт на поставку одной тысячи орудий для русской императорской армии был подписан вечером того же дня. Со мной тоже заключили договор. Отныне я становился старшим канонир-испытателем в компании Крушпа при сохранении своего нового армейского звания – обер-лейтенанта.

Три года я занимался делом, приносящим удовлетворение и хороший заработок. Жил в Берлине неподалеку от полигона. С фрау Мартой Эххардт мы расстались. Она поняла, что генерала из меня не выйдет, а разменивать жизнь на вечного обер-лейтенанта ей не хотелось. Тем более, что в жизнь мою вошли частые разъезды. Иногда короткие – на пару недель, а иногда уносило и на полгода. Где-то стрельбы показательные, где-то обучение или, точнее сказать, переобучение с устаревших, бронзовых, дульнозарядных, дедовских орудий на современные, казнозарядные из особой крушповской стали. За это время исколесил я всю Европу, дважды в Россию съездил и даже в Турции побывать пришлось. На личном фронте в связи с полукочевым образом жизни успехи имелись лишь краткосрочного порядка, что приносило и радость новизны, и грусть расставаний. В общем, скучать не приходилось. Я был бы не против, если так продолжалось бы и дальше. Но однажды пришла телеграфическая депеша от господина Грюневальда. Он срочно вызывал меня к себе в Эссен. Такие спешные вызовы обычно связывались с командировками. На этот случай у меня имелся объемистый дорожный кофр, куда умещалось всё необходимое. В дороге я не сильно утруждал себя догадками, куда отправлюсь в этот раз. Ну, не на Луну же?

– Дорогой Лотар, тебе предстоит срочная командировка, – сразу же с порога, едва пожав руку, начал разговор в своем роскошном кабинете господин Грюневальд.

«Ну вот, не ошибся», – мелькнуло в голове.

– Далеко и, возможно, надолго, – продолжил он.

«Неужели в Америку?» – искренне обрадовался я в мыслях. Там мне еще не приходилось бывать.

– Девять месяцев назад мы отправили в Китай первые сто двадцать пушек шестьдесят седьмой модели.

– Куда? – переспросил я с неподдельным удивлением.

– Да, да. В Китай. Они очень заинтересованы в нашем оружии. У нас с ними договор на две тысячи штук. Но при условии, что пушки их устроят. Так вот, три дня назад мы получили от них сообщение, что пушки оказались никудышными, они полностью в них разочарованы. Представляешь?!

– Нонсенс, – вырвалось у меня. Такую оценку лучших в мире орудий приходилось слышать впервые.

- Нам ни в коем случае нельзя упускать такой заказ.
- А кто-то из наших выезжал к ним на обучение?
- В том и дело, что никто. Это закрытая страна. Иностранцев туда не пускают. Они заверяли нас, что сами достаточно хорошо подготовлены.
- Оказалось, что не так.
- Вот именно.
- И вы хотите, чтобы я отправился туда?
- Да. Мы уговорили их не торопиться с разрывом контракта. Пообещали выслать лучшего специалиста, который на месте во всем разберется.
- Вы это обо мне сейчас?
- Не кокетничай, мой дорогой Лотар. Ты прекрасно знаешь, у тебя божий дар.
- Спасибо. Но вы только что сказали, что это закрытая страна. Они не пускают к себе иностранцев.
- Бывают исключения. Императорские.
- Так. А если я все-таки откажусь?
- Мы пошлем другого.
- Не надо.
- Если бы я был молод, как ты, я сам бы отправился туда. Познавать новое, неизвестное – это ли не дар судьбы? – этими словами господин Грюневальд, видимо, решил поддержать мое скорое согласие. Но я совсем не нуждался в дополнительной мотивации своего поступка. Во мне уже давно горела страсть к перемещениям, путешествиям. И сейчас, получая командировочное предписание, я уже представлял в своем воображении неведомую страну Китай. Правда, что я знал о ней? На ум пришли несколько картинок с картонных коробок из-под чая с изящными фигурками женщин в ярких халатах и высокими прическами; красочные, впечатляющие своими размерами и тончайшей работой фарфоровые вазы, виденные на Музейном острове; и, конечно же, караван верблюдов во главе с венецианским кушцом по имени Марко Поло на фоне дворцов и пагод с причудливо изогнутыми, парящими крышами.
- Итак, – вернул меня в реальность голос господина Грюневальда, – билет до Гонконга ожидает в кассе лондонского морского порта. Ты будешь обеспечен именными векселями Ллойда на сумму в десять тысяч талеров.
- Это ведь целое состояние, – в моих словах прозвучало легкое удивление.
- Да. Здесь учтена важность твоего задания и длительность командировки.
- Ну, я думаю, что она продлится пару месяцев, не более.
- Слишком оптимистично, мой дорогой Лотар. Только дорога в один конец займет три месяца, – заметил господин Грюневальд.
- Невероятно. Вы, случаем, не преувеличиваете?
- Ничуть. Пятнадцать тысяч морских миль.
- Господи!
- Назад ты отправишься сразу после разрешения этого неприятного для нас казуса.
- Надеюсь, это не займет много времени.
- Уверен в этом. Проведешь, как всегда, показательные стрельбы, поразишь их воображение, заберешь подписанный контракт, и твоя миссия закончена, мой дорогой обер-лейтенант... По прибытии в Гонконг тебя встретят люди генерала... – господин Грюневальд запнулся, заглянул в лежащие перед ним бумаги и прочел по слогам: – Мао-Хун-Ли-Ня. Он, кстати, лично отвечает за твоё пребывание на территории Китая. Далее... Телеграфическая связь в месте твоего пребывания, к сожалению, отсутствует. Поэтому все решения принимай на месте самостоятельно.
- Прусский офицер готов к любым испытаниям, – улыбнулся я.

– Превосходный ответ, – тоже с улыбкой кивнул головой господин Грюневальд. – Пока ты еще не поставил свою подпись вот здесь, – он развернул в мою сторону лист бумаги, – имеешь полное право отказаться.

– Нет, нет. Когда отходит мой корабль? – спросил я, подписывая соглашение.

– Через два дня, – ответил коммерческий директор компании Крупша, аккуратно вкладывая лист с моей подписью в толстую канцелярскую папку.

– Хм-мм. А я успею?

– Успеешь, если отправишься от меня напрямиком на вокзал.

Ровно через два дня я стоял на палубе знаменитого чайного клипера под названием «Ариэль», а три буксира тянули его по мутным водам Темзы в открытое море. Мы шли вдоль бесчисленных портовых кранов и пакгаузов. Размеры и движение крупнейшего в мире лондонского порта производили впечатление. Сотни, если не тысячи огромных и малых кораблей ожидали разгрузки-погрузки товаров со всего мира, людские потоки всех возможных цветов кожи в разнообразнейших одеяниях шумно перекликались на всех наречиях мира. «Вот она, колониальная держава мира! Как умудряются островитяне управлять этим вавилонским столпотворением?»

Пока я размышлял и рассматривал новую для себя действительность, моряки готовились к подъему парусов на трех высоченных мачтах. Едва выйдя в море, под их руками тут же закрутились лебедки, механизмы, распущая во всей красе белоснежные паруса. Они гордо раздулись, наполнились набевшим морским ветром и необычайно легко понесли клипер по пенящимся гребешкам Ла-Манша, оставляя позади себя величественные, обрывистые, белесые берега Англии.

Морские клиперы в первую очередь предназначались для перевозки из Китая в Англию чая, и потому ими пользовались редкие пассажиры, предпочитающие скорость комфорту и роскоши медленных пассажирских пароходов, путешествие на которых могло длиться, как я выяснил, до полугода. Меня вполне устраивала тесная, но отдельная каюта с мягким матрацем на подвесной железной койке, совместное питание с капитаном клипера и еще пятью представителями от Ост-Индской торговой компании. Только один из них, тощий, как жердь, мистер Джеймс Ричардсон, бывал в Китае множество раз и щедро, явно, чтобы побороть скуку, рассказывал остальным, и мне в том числе, о жизни и нравах, царящих в той далекой таинственной земле. Однозначно, он был человеком умным, любознательным, наблюдательным. Вдобавок к этому он умел хорошо рассказывать. Мой английский позволял понимать его, а через месяц пребывания в компании джентльменов мне уже снились экзотические сны на прекрасном оксфордском диалекте, и к концу плавания о Поднебесной было известно практически всё. Так, по крайней мере, полагал я, стоя на борту и отсчитывая последние сотни метров, отделяющие наш клипер от долгожданной тверди китайской земли.

В огромной глубоководной бухте имени королевы Виктории голубое небо коптили черной сажой несколько английских и французских военных крейсеров. Рядом с их гигантскими железными корпусами сновали десятки мелких китайских джонок. Ими ловко управляли моряки в коротких парусиновых штанах с обнаженными торсами, на которых красовались цветные татуировки. У всех были наполовину бритые головы со свисающими вдоль жилистых тел длинными плетеными косами, а меж выпирающих изо рта желтых зубов торчали, словно приклеенные, дымящиеся папиросы. Джонки появлялись и исчезали за мелкими, скалистыми островками, вздымающимися в тихих водах залива, растворялись в бесчисленных береговых бухтах, унося с собой пассажиров и только им известные грузы. Во взглядах полуголых моряков не чувствовалось ни дружелюбности, ни агрессии. Они казались смесью безразличия и даже легкого презрения.

– Джентльмены, вы будете удивлены, но китайцы считают всех иностранцев варварами. Без исключения. И знаете, как они называют нас?... Заморскими чертями, – усмехнулся стоящий рядом мистер Ричардсон.

– Здесь райское место для контрабандистов, – пришло почему-то на ум, и я озвучил мысль.

– А также морских пиратов и членов таинственных триад, – тут же добавил мистер Ричардсон.

– Чего? – с удивлением переспросил я, услышав что-то новое.

– Триады – саньхэхуэй, тайные, преступные секты. Их объединяет мистическое число три. Сань.

– Вы не рассказывали о них.

– Потому что мне о них ничего неизвестно. Китайцы в этом плане молчаливы, как рыбы. Тем более, что среди членов триад много дунган, которых считают особо опасными и лихими людьми.

– Господи, а это еще кто?

– Китайские магометане. О них тоже известно немного. Во времена юаньской и минской династий они занимали привилегированное положение в обществе. Покорившие Китай маньчжуры не доверяли и не признавали во власти никого, кроме своих соплеменников. И будучи по религиозным убеждениям шаманистами, не желали видеть в своей империи носителей сильной, чужой религии, каковой является ислам. В итоге дунгане стали подвергаться гонениям, превратившись в народ-изгой. Они вливались в ханьские тайные сообщества для борьбы против маньчжуров. Какая-то часть перебралась на остров Формоза. Это чуть менее тысячи миль восточнее нас. А там их религиозные секты и тайные сообщества трансформировались в преступные синдикаты – триады.

– Что-то наподобие сицилийских кланов?

– Весьма похоже. Такая же дисциплина, конспирация, предателей ждет смерть. Они по-прежнему, хотя прошло двести лет, нацелены на борьбу с циньской властью. Ни одно из больших или малых восстаний не обходится без триад.

– А как же они узнают своих?

– По особенностям татуировок.

– И что же изображено на них?

– Это известно только им.

– Очень любопытно.

Мы пришвартовались к деревянному пирсу, далеко выступающему в воды залива Виктории. С него открывался вид на порт и строящийся центр Гонконга, ничем не отличимый от деловых кварталов крупных европейских городов. Монументальные каменные дома с горделиво возвышающимися флагами Британской империи на высоких флагштоках в полной мере являли силу и мощь западной цивилизации в сравнении с мелкими деревянными фанзами китайцев, протянувшимися по разные стороны извилистого берега и образующими узкие, грязные и кривые линии улиц.

– Эта рыбацкая деревня превратится скоро в сверхгород, даже не сомневайтесь, – заверил всех мистер Ричардсон.

На длинном деревянном пирсе было малоллюдно. Носильщики подхватили бесчисленный багаж англичан и, загрузив его на свои тачки, проворно двинулись к каменной портовой набережной, заполненной толпами народа.

– Даже не верится, что всё позади, – с облегчением вырвалось у меня при первых твердых шагах по вымощенной брусчаткой широкой набережной.

– Я скорее останусь здесь навсегда или пойду назад пешком, но никогда более не сяду в корабль, – довольно-таки серьезно произнес мистер Уиллсон, который тяжелее всех перенес дорогу.

– Посмотрю, что вы скажете через шесть месяцев, дорогой мистер Уилсон, – заметил с улыбкой мистер Ричардсон. – Здесь очень тяжелый климат и сверхострая, малосъедобная еда. Кстати, сегодня мы будем отмечать наше прибытие, – он обернулся ко мне. – Присоединяйтесь, если будет настроение. Мы

остановились в гостинице «Гонконг», – его рука указала на возвышающееся неподалеку массивное шестиэтажное здание.

– Непременно буду, если меня никто не встретит, – бодро произнес я, однако в сердце противно екнуло: «А вдруг действительно никто не появится? И что мне тогда делать?»

Кругом стоял людской гвалт. Толпы необычного для меня во всем, от одежды до разреза глаз, народа текли по набережной мимо домов с причудливыми, загнутыми крышами. Совершенно новые, незнакомые запахи резко и приятно били в нос. Густая смесь из пряностей, ароматных масел, всевозможных укусов, специй и приправ, дыма жаровен и пара, рвущихся из-под деревянных крышек огромных котлов, моментально захватила обоняние, пропитала насквозь одежду и тело. Тонкие ароматы европейской кухни тут же выветрились, как запах увядшего букета при хорошем сквозняке. Неожиданно где-то сбоку раздался грохот барабанов, и группа солдат в синей униформе с красно-белыми кругами на груди, остроконечными, бамбуковыми шлемами на головах и пиками в руках быстрым шагом двинулась в нашу сторону. Ими командовал молодой офицер в черном халате до колен и широкими красными обшлагами на рукавах. Квадратную нашивку на груди украшали причудливые цветные драконы. Штаны были заправлены в мягкие сапожки, на голове красовалась черно-фиолетовая шапка со страусиным пером, слева на боку висел широкий меч, справа болталась кобура с американским кольцом. Он приблизился к нам, поприветствовал легким наклоном головы.

– Ки-та-еся ка-сы-па-тина Ло-да Ла-нэ-го? – его английский был просто чудовищным. Никто не понял ни слова. Кроме мистера Ричардсона.

– Кто есть господин Лотар Ланков? – повторил он вопрос офицера и тут же сам на него ответил. – Это господин Ланков, – по-китайски произнес он и указал рукой на меня.

Офицер тут же отвесил в мою сторону несколько поклонов. Затем обернулся и громко отдал приказ солдатам. Тут же появилась крытая конная повозка зеленого цвета с крохотными оконцами. На крыше развевался вымпел желтого цвета.

– Мистер Ланков, вы, оказывается, довольно важная фигура. Большая редкость, чтобы так встречали иностранцев. Желтый вымпел – это знак императорской службы, – в глазах мистера Ричардсона промелькнуло неподдельное удивление.

– А где его вещи? – глядя на носильщиков у груды поклажи, спросил офицер.

– Насколько я понял, у него только один кофр, который стоит подле него, – любезно ответил мистер Ричардсон.

Китайский офицер снова скомандовал. Подбежавший солдат вежливо забрал у меня дорожный чемодан, а офицер попросил проследовать к экипажу. Я поблагодарил своих попутчиков за хорошую компанию и через минуту, еще раз махнув рукой на прощанье, потерял их из виду.

Офицер сел напротив и в течение нескольких минут выдавал мне на языке, который он принимал за английский, подробную и полезную для моего пребывания информацию. Я не понимал практически ни одного слова, но из чувства вежливости внимательно слушал, не перебивал и временами кивал головой. Закончив речь, он с чувством исполненного долга откинулся на жесткую спинку деревянного сиденья.

«Так, – подумал я. – А ведь прав мистер Ричардсон. Надо учить китайский. И немедленно. Правда, в первую очередь надо еще научиться понимать английский офицера Ван Юлиня». Его имя оказалось довольно простым для произношения, и я вскоре стал обращаться к нему: «офицер Ван Юлинь», а он продолжал называть меня: «ка-сы-па-тина Ла-нэ-го».

«Если отбросить лишние страхи, то устный язык усваивается довольно легко. Достаточно трех месяцев, чтобы начать сносно изъясняться. И я заметил, что легче всего он дается людям с музыкальным слухом. А вот письменность... На неё уйдут годы. Многие годы», – говорил мистер Ричардсон. «А при чем тут музыкальный слух?» – поинтересовался я. «Это очень мелодичный язык. Одно и то же слово, произнесенное в разной тональности, имеет совершенно различное значение. И таких тонов четыре», – пояснил мистер Ричардсон. Чтобы скрасить скучные, однообразные дни, я занялся под его руководством изучением китайского языка.

Однако, когда мне пришлось впервые услышать китайскую речь живую, я впал в ступор. Да как же его понять, а тем более заговорить? Ну, к примеру, можно разве разобраться в смеси птичьего щебетания и лягушачьего кваканья? Но к моему удивлению, к вечеру первого дня я уже прекрасно понимал некоторые слова. Одно из них выделялось и запоминалось сразу и навсегда – «чифан». После приветствия «ни хао», оно наверняка является наиболее распространенным. «Чифан» – значит кушать, а поесть в Китае – наиважнейшая часть жизни. Тем более готовят здесь настолько вкусно и разнообразно, что не перестаешь удивляться выдумке и мастерству китайских поваров. «Не бывает невкусных продуктов, бывают неумелые повара», – гласит известная китайская поговорка, о которой я узнал позже. Странно, что такая изумительная еда припала не по вкусу мистеру Ричардсону.

После встречи, примерно через два часа пути по извилистой живописной дороге, петляющей меж зеленых холмов полуострова Коулун, мы совершили первую остановку. Ван Юлинь расставил посты из сопровождающих нас солдат, внимательно осмотрел расположение и немногочисленных гостей постоялого двора. Это немного удивило меня, потому что вокруг царило сплошное умиротворение и ничто не намекало на какую-либо опасность.

Ван Юлинь являлся личным адъютантом генерала Мао Хунлиня и производил приятное впечатление. Деликатность, сдержанность, не выпячиваемое, но ощущаемое чувство собственного достоинства выдавали в нем носителя древней цивилизации. Он выгодно отличался от встречаемых мной угодливых и подобоострастных турецких чиновников или навязчивых, вечно запанибратски настроенных русских офицеров. Однако в нем отчетливо проглядывало пренебрежительное отношение к своим солдатам или простолюдинам, встречаемым на пути – дворянин не ровня черни. Черта, изжитая у нас в Европе, но всё еще типичная для азиатских народов.

Говорят, что впервые пробуя новое блюдо, следует загадать желание, которое непременно сбудется. Так вот, когда на сияющий красным лаком стол поставили не менее двух десятков совершенно новых для меня блюд, я понял, что столько желаний мне просто не придумать. Еда помещалась в фарфоровые чашки: маленькие с пахучими, маринованными овощами и диковинными деликатесами и чуть крупнее с обжаренными овощами, вареным и запеченным мясом. Отдельно стояла большая чашка с крышечкой, из-под которой белой змейкой вился пар от отварного риса.

– Угощайтесь, ка-сы-па-тина Ла-нэ-го. Вы, наверное, очень проголодались, – Ван Юлинь обвел рукой стол. – Извините, что так скромно, но это маленькая харчевня, и выбор здесь небогатый. – С этими словами он подвинул в мою сторону пару чашек.

– Спасибо, офицер Ван Юлинь. А где я могу взять вилку и нож? – деликатно поинтересовался я, пытаясь высмотреть приборы на столе.

– Что?.. Нож? – спросил Ван Юлинь с округлившимися от удивления глазами.

– Вилка и нож, чтобы кушать, – жестами изобразил я прием пищи.

– А-ах, – с облегчением выдохнул Ван Юлинь. – А я-то думаю, зачем вам нож. В Китае ножами не едят. Мы едим вот так, – он взял в руки деревянные палочки, подправил их о поверхность стола и, ловко подхватив дольку маринованного чеснока, отправил ее в рот. – Это очень просто, – добавил он и протянул мне пару палочек из черного дерева.

Взяв их в руки, я стал вертеть ими, зажимая то между одних, то между других пальцев. Еда соскакивала с кончиков, решительно не желая отправляться в рот. Это привлекло внимание сидящих поодаль солдат и других гостей, которые совершенно беспардонно собрались в шумную толпу и с детской непосредственностью уставились на меня. Они тыкали пальцами и громко смеялись при каждом моем неумелом движении. Ван Юлинь смеялся вместе со всеми. Но затем принял серьезный вид и громким рыком разогнал толпу.

– Насмешили вы меня, ка-сы-па-тина Ла-нэ-го. Как же вы едите у себя дома? Неужели действительно ножами?

– Нет, к ножу полагается вилка.

– Я смотрю, у вас за морем всё не как у людей, – покачал головой он. – Давайте я покажу вам, как правильно обращаться с палочками, а то с голоду умрете.

Верно в народе говорится: голод – лучший учитель. Еще одним доказательством сему явилось мое скорое овладение палочками для еды. Через самое короткое время они столь проворно мелькали в моих пальцах, что казалось, будто пользуюсь я ими сызмальства. Еда, подаваемая нам три раза на дню, отличалась немыслимым разнообразием и нравилась всё больше и больше.

Пейзажи за окном тоже производили сильное впечатление. Покрытые зеленью лесов и кустарников горные вершины с журчащими ручьями и водопадами, обрамленные замшелыми скалами, чередовались с изумрудными долинами, разбитыми на сотни прямоугольников благоухающих полей. Удивление и восхищение вызывали бесчисленные террасы возделанных земель на склонах гор. Какого упорного труда стоили они? Однако попадались и селения, бедность и убогость которых просто поражала воображение. «Неужели в таких грудах глины, без окон и дверей, живут люди?» А однажды нам встретилась толпа нищих, истощенных, с ввалившимися от голода скулами, в неописуемых лохмотьях, с отвердевшими от грязи и пота длинными распущенными волосами. При их виде мне стало не по себе. Они казались стоящими на иссохших ногах мертвецами. Едва передвигая костлявыми конечностями, они шли за нами, выпрашивая милостыню. От них разило такой вонью, что у меня пошли непроизвольные рвотные спазмы, и мне едва удалось удержаться от изрыгания недавно поглощенного в придорожном трактире отменного обеда. Солдаты с силой отпихивали их по сторонам, освобождая нам дорогу. Этот запах рваных, обветшалых лохмотьев, грязных, немых тел, покрытых струпами от гниющих на коже язв и ран, долго еще выветривался из нашей уютной повозки.

– Несчастные беженцы. Вместо того чтобы воевать со злодеями, бросили свои дома и ищут спасения на стороне. Сами виноваты, – жестко и коротко объяснил Ван Юлинь.

Я не стал задавать каких-либо вопросов, хотя мне было совсем непонятно, почему император не проявляет заботу о своих подданных. «Да, милосердие здесь явно не в почете».

В общем, через три дня путешествия у меня уже имелось столько впечатлений, что я смело мог повторить слова мистера Ричардсона: «Это самая необыкновенная страна на земле». Другой, чужой, незнакомый во всем, но быстро обволакивающий колдовским очарованием мир. Глубже узнать реальный Китай поможет лишь время. Но то, что жизнь здесь течет так же, как тысячи лет назад, сомнений не оставалось.

«Вымерли династии фараонов, превратились в прах останки Александра, рухнул Великий Рим, родились новые религии, мелькнул сияющий славой Наполеон Бонапарт, мир вступил в эру технической революции, а поверьте мне, здесь ничего не меняется на протяжении последних... – мистер Ричардсон взял театральную паузу, – двух тысяч лет! Всё неизбежно, как учение Конфуция». «Кого?» – вырвалось из уст сидевших за столом. «Две тысячи лет назад мудрец по имени Конфуций развил весьма стройное и жизнеспособное учение, охватывающее все аспекты существования, как народа, так и государства. В отличие от наших социалистов-утопистов он нашел скрепы, связывающие общество в гармоничное целое. Нет, речь совершенно не идет о демократии и всеобщем социальном равенстве и благоденствии, что утопично по своей сути. Мудрец прекрасно понимал, что пороки общества не под силу искоренить никому. Он сформулировал золотое правило гуманизма: «Не делай человеку того, чего не желаешь себе». Возвысив в своем учении гуманизм как высшую добродетель, путь к которой лежит через преданность, покорность, сыновнее послушание, уважение и почитание к родителям, где место отца народа занимает император или, как его еще называют, Сын Неба, плюс почитание духов умерших предков и неукоснительное исполнение всех древних традиций, обрядов, церемоний, он достиг своей цели – страна едина и существует. Но сколько она еще продержится в таком виде? – вопрошающе произнес мистер Ричардсон и затем добавил: – Не думаю, что долго. Наступление технического прогресса трансформирует азиатские страны-заповедники в аморфные производственные образования, работающие на наше благосостояние...»

На этом месте моя мысль оторвалась от дальнейших рассуждений мистера Ричардсона о мировом развитии, потому что за окнами нашей повозки раздались шумные, возбужденные крики солдат, толкающих перед собой раненого, хромящего на одну ногу человека. Он был облачен в обычную крестьянскую одежду: широкие штаны, пеньковые сандалии, длинную рубаху и соломенную шляпу «доули» на голове.

Ван Юлинь проворно выскочил из повозки и, внимательно разглядывая пленника, слушал доклад унтер-офицера по имени Пэн Хичан. Солдаты заломили пленнику руки за спину, продели сквозь них толстую палку и обвязали веревкой. Он стоял с согнутой поневоле головой и молча сплевывал под ноги кровавую слюну. Ван Юлинь громко о чем-то его спрашивал. В ответ послышались слова, которые привели Ван Юлиня в ярость. Отступив на пару шагов назад, он отдал какой-то приказ, после которого унтер-офицер моментально выдернул из-за своего пояса широкий нож и приблизился к пленнику, которого удерживали солдаты. Еще через мгновение блестящая сталь глубоко, по самую рукоятку погрузилась в живот. Глаза несчастного выпучились от острой боли, а из уст вырвался непроизвольный стон. Следующим, резким движением вверх унтер-офицер распорол его чуть ли не до самого горла. Я тут же отвернулся, лишь мельком заметив вываливающиеся наружу человеческие внутренности. «О Господи!» – прошептал я про себя. Всё произошло столь быстро, буднично и жестоко, что вызвало во мне чувство страха: «Если люди так спокойно, без суда и следствия, вспарывают животы, то какова же здесь цена человеческой жизни?»

Оставив тело на съедение лесным зверям и птицам, наша процессия отправилась дальше. В повозке Ван Юлинь окинул меня изучающим взглядом, как бы пытаясь понять мою реакцию на произошедшее.

- Кто он был? – спросил я.
- Злодей-дунганин.
- Дунганин?
- Вы уже слышали о таких?

– Да. Кое-что довелось услышать. А в чем же была вина этого несчастного?

– Дунгане посмели поднять оружие против самого Сына Неба. Поэтому лубой из них, заново не присягнувший, не вставший на сторону императора, подлежит незамедлительной смертной казни.

– И много из них заново присягнули?

– Много. Но еще больше воюет против нас. Предатели...

– Мне показалось, вы чего-то добивались от пленника?

– Прилюдно отречься от своей веры. Тогда я бы отпустил его.

– Хм-мм... Он мог бы, как это выразиться, солгать, что ли... и сохранить жизнь.

– Он ответил: «Легче умереть, чем прогневать своего Повелителя».

Я давно усвоил правило – беспрекословно выполнять приказы и поручения, в чужие конфликты не вникать, и тем более не принимать чью-то сторону. Все мы в этой жизни чьи-то ландскнехты. Кто платит, тому и служим. Поэтому я промолчал, но в голове отметил, что не всё гладко и спокойно в Поднебесной... И на всякий случай незаметно осенил себя спасительным крестом.

– А сколько нам еще добираться до места назначения? – поинтересовался я, ерзя на своем обитом шелком деревянном сиденье.

Офицер Ван в ответ развернул свиток с удивительно точной географической картой Китая. Прекрасно выполненная, подробная карта с выкрашенными в различные цвета провинциями страны вызвала мое восхищение.

– Сейчас мы находимся вот здесь, – его указательный палец с длинным, остро заточенным ногтем указал на гористую местность, довольно удаленную от морского побережья с подковой залива имени королевы Виктории. – А нам необходимо добраться вот сюда, – ноготь заскользил по пергаменту, опускаясь и вновь карабкаясь по горам, вдоль рек по широким долинам, пока не остановился где-то в центре страны. – Это Сиань. Тринадцать императорских династий выбирали этот город своей столицей. Здесь колыбель нашей цивилизации. Видите, – он показал на вытянувшиеся, словно гигантские змеи, течения двух рек. – Это Желтая и Длинная реки. Они спускаются с гор Тибета и впадают в море на восточном берегу. Плодородные долины между ними находятся прямо в середине нашей империи. Отсюда и возникло название нашего государства: «Чжунго, или Срединная империя».

– Странно, а во всем мире вы известны как Китай.

– Чужеземным варварам нравится исказить и коверкать все наши имена, – пожал плечами офицер Ван, и в его узких глазах промелькнула тень легкого презрения.

По моим быстрым прикидкам, до колыбели китайской цивилизации Сианя оставалось добрых две трети пути.

– Еще минимум шесть дней, – тяжело выдохнул я.

– Хм-мм... Думаю, что вы правы, – согласился он. – Как же вы вычислили, ка-сы-па-тина Ла-нэ-го? – добавил он.

– Просто у вас замечательная карта и неутомимые кони.

Похвала, кстати, весьма заслуженная, пришлось офицеру Вану по душе, и на его губах застыла довольная улыбка.

Через три дня мы пересекли на пароме Янцзы, или, как здесь ее называют, Длинную реку, которая оказалась еще и необычайно широкой и полноводной. С одного берега еле проглядывался другой. По реке сновали многочисленные рыбацкие лодки, полные улова. А в одной из закусовых, в изобилии размещившихся вдоль пологих берегов, нам подали местный деликатес – хрустящую рыбу редкой разновидности. Исеченная крупной сеткой, зажаренная в нежном кляре, она возвышалась в центре стола на длинном фарфоровом блюде в

окружении доброго десятка овощных закусок и большой чашки с рисом. Я, как истинный немец, к рыбе относился с безразличием, предпочитая ей мясо и колбасы. Но, поглядывая на аппетитную золотистую корочку и выглядывающую из-под нее бело-розовую мякоть, почувствовал, что сейчас подавлюсь собственной слюной, в то время как слуга неспешно разливал по чашкам ароматное сливовое вино. Наконец офицер Ван произнес короткий тост, мы опорожнили чашки и принялись за еду. Назвать ту рыбу божественной, наверное, нельзя лишь по причине того, что мы просто не знаем, чем питаются боги. Но вот то, что это было нечто неземное, могу сказать с твердой уверенностью. Корочка слегка похрустывала, а рыба таяла во рту, оставляя вкус, сравнимый только с... греховным сладострастием. «Браво китайскому повару!» – хотелось громко закричать от восхищения, но чёртова сдержанность, выдуманная как признак хорошего воспитания, удержала меня.

Через три дня после пересечения Длинной реки мы наконец-то въехали в древнюю столицу Поднебесной. В своем календаре я пометил этот день – десятое октября одна тысяча восемьсот семидесятого года.

Когда-то, в глубокой древности, Сиань считался самым населенным городом планеты: более миллиона жителей проживало в нем. Затем, говорят, пальму первенства перехватил Багдад. Высокие, из темно-серого камня крепостные стены поражали воображение своим масштабом. По ним свободно разъезжали повозки, словно по улицам Берлина. А гигантская пагода с невообразимым по размеру гонгом однозначно заставляла ее жителей трепетать перед мощью и силой императорской власти. За крепостными стенами скрывался огромный город с прямыми линиями ухоженных улиц и добротными домами с причудливо загнутыми черепичными крышами, яркими, завораживающими своей необычайно тонкой, искусной резьбой фасадами и окнами. В самом центре города бурлил, чадил парами, дымами, наполняя воздух всевозможными ароматами специй, не затихающий ни днем, ни ночью дунганский квартал. Моя голова вертелась то влево, то вправо, то приходилось высовываться из окошка и оглядываться назад: башня с гигантскими барабанами, Пагода Дикого гуся со множеством буддийских монахов в оранжевых одеяниях, древние мечети с полумесяцами минаретов, толпы горожан на шумных улицах.

– А вот отсюда начинается Шелковый путь, – офицер Ван указал на скопище огромных складов, деревянных повозок и сотни горбатых верблюдов, лениво развалившихся в просторных загонах.

«Интересно, доходил ли досюда Марко Поло?» – подумалось мне. Из разговоров с офицером Ваном я понял, что вряд ли кто из его современников вообще слышал о существовании великого путешественника, открывшего Европе загадочный Китай. Позже я узнал, что здешний люд не интересуется ничем, что находится за пределами даже не провинции или уезда, а их деревни. И еще, они искренне считают, что Поднебесная является центром мира, окруженная многочисленными варварскими народами, от которых их надежно защищает Сын Неба.

Резиденция генерала размещалась на территории губернаторской резиденции, окруженной высоким забором из серого кирпича. Наша повозка остановилась у открытых крепких дверей красного цвета с золотыми драконами. Вход, помимо стражи, охраняла еще пара свирепых каменных львов. В глаза бросились длинные, старинные кремневые ружья, болтающиеся за плечами худосочных солдат караула. Музейные экземпляры. В отличие от них, мои сопровождающие имели новехонькие бердановские винтовки.

Генерал Мао Хунлинь встретил меня в зале для гостей. Он стоял на возвышении в черном военном халате, из-под которого выглядывала расшитая узо-

рами куртка, перехваченная поясом. Голову плотно облегла шелковая шапочка. Густые, темные с проседью усы и острая бородка слегка удлинляли круглое лицо, а жесткий немигающий взгляд узких глаз придавал ему присущую всем военным суровость и решительность. Спереди и сзади его окружали четверо телохранителей в боевых латах из толстой буйволиной кожи, напомнившие мне времена древней римской эпохи.

Офицер Ван долго отбивал поклоны.

– Господин генерал, ваш приказ исполнен! Ка-сы-па-тина Ла-нэ-го доставлен в целости и невредимости! – наконец произнес он и отступил на шаг назад. По примеру офицера Вана я тоже несколько раз склонил голову и замер, не зная, что мне делать дальше.

– Не утомила ли вас длинная дорога? – негромко и мягко прозвучал голос генерала. Офицер Ван быстро перевел мне его вопрос, который, к своему удивлению, я сам правильно понял.

– Совсем нет. Было очень интересно, – медленно подбирая слова на китайском, ответил я.

Брови генерала поползли вверх.

– Где вы научились говорить по-китайски?

– Благодаря офицеру Ван Юлиню по дороге из Гонконга сюда.

– Невероятно. Офицер Ван, на время пребывания чужестранного офицера у нас вы прикрепляетесь к нему. Сегодня отдых. Увидимся завтра. – После этих слов он повернулся и вместе со своими телохранителями исчез в боковой комнате. Офицер Ван тронул меня за плечо, и мы вышли из резиденции.

– Сегодня день отдыха, понял? – подмигнул он, и на его лице расплылась радостная улыбка.

На территории губернаторской резиденции нас разместили в просторном двухэтажном доме для гостей. Комната на втором этаже показалась мне очень уютной: крепкая кровать с яркими шелковыми одеялами, шкаф с инкрустациями из перламутра и узорной росписью, резная перегородка из красного дерева, в углу стоял умывальник с водой. Сквозь маленькое оконце виднелась городская пагода. Несколько слуг сидели перед домом в ожидании поручений. Вскоре я заметил, как к ним подошел офицер Ван. Слуги вскочили на ноги, склонились, выслушивая его указания, а затем дружно умчались в город.

Через некоторое время, спускаясь вниз по скрипучим ступенькам деревянной лестницы, я чуть не столкнулся с невесть откуда появившимися поварами. Их черные фартуки и пестрые повязки только успевали мелькать там и здесь. Они торопливо снимали с привезенных слугами тележек овощи, фрукты, зелень, нарубленное кусками свежее мясо, живую птицу в клетках, трепыхающуюся рыбу, обложенную мокрой травой. Повара чуть не бегом несли всё это под навес с размещенной там печью и несколькими переносными жаровнями на гнутых железных ножках. Затем появились носильщики с просторным, покрытым черным лаком и расписанным диковинными узорами паланкином. Из него вылез офицер Ван.

– Прошу садиться, – вежливо указал он на распахнутую дверцу паланкина.

Один из носильщиков бросился ко мне с подставкой для ног. Мы разместились на мягких, обитых атласом сиденьях, носильщики дружно схватились за длинные бамбуковые шесты. Вся дорога казалось, что я парю над землей. После невесомого приземления мы вошли в роскошное помещение, где были встречены словно коронованные особы. Согнувшись в три погибели, многочисленные слуги повели нас в теплую комнату с запахом свежих роз. Несколько слуг тут же принялись раздевать офицера Вана. Через мгновение, мелькнув мускулистым обнаженным торсом, он был тут же окутан халатом из тонкого

хлопка. А со мной произошла заминка. Слуги, вытаращив глаза, не знали, как расстегнуть блестящие, в два ряда, медные пуговицы на моем мундире, как стащить с меня узкие, в обтяжку, штаны и высокие хромовые сапоги. А может, они просто боялись прикоснуться к чужестранцу. В общем, я сам скинул с себя всё. Увидев, что я ничем не отличаюсь от других человекоподобных, слуги пришли в себя и накинули на меня подогретый халат. Из приоткрытой двери в следующую комнату доносилось журчание воды. «Так мы в бане», – дошло до меня.

Следующая комната представляла собой просторный грот со стенами из светящегося нефрита. Из пастей каменных драконов вода вливалась в несколько круглых мраморных бассейнов.

– Каждый бассейн имеет свою температуру, особый настой трав и минералов, – медленно и доходчиво объяснял офицер Ван, показывая на пучки засушенных растений и толченые в ступках камушки.

В последнем бассейне вода была столь горячей, что я вылетел из него, как тюлень, удирающий от косатки. Дальше нас поджидали паровые комнаты, наподобие турецких хамамов. В одной из них меня уложили на мраморную плиту. Банщик взял в свои жилистые руки мохнатое, жесткое полотенце и стал так тереть меня, словно вознамерился содрать кожу до самых костей. Сначала было не совсем приятно, но затем появилось ощущение, что я медленно перерождаюсь. А когда в конце процедуры он вылил на меня как минимум литра три парного молока, я не узнал своей кожи. Она была как у младенца, а тело потеряло вес и, казалось, парило над землей. Такого ощущения я еще никогда не испытывал и, тут же решив, что вот так, должно быть, чувствуют себя бестелесные ангелы на небесах, впал в дрему. Не знаю, сколько времени я пролежал в состоянии полного блаженства, но в чувство привел меня сменивший банщика массажист. Он накинул на меня тонкую ткань и кончиками пальцев стал выстукивать по телу натурально барабанную дробь. Стучал он быстро, по каким-то только ему известным линиям тела. С каждой отбитой трелью ко мне приливалась необычайная энергия. «Чудеса, да и только», – удивлению моему не было предела. Однако всё это было лишь прелюдией к основному действию, поджидавшему нас в двухэтажном гостевом доме. Войдя в него, я просто остолбенел. Пустой зал на первом этаже преобразился до неузнаваемости. Казалось, здесь будет проводиться свадебное торжество, не менее. Кругом курились благовонные свечи, под потолком были развешаны цветные бумажные шары, вдоль стен колыхались полосы тончайшего разноцветного шелка, создавая иллюзию легкого ветерка. Из-за резных деревянных перегородок лилась живая музыка. Непривычные на слух надрывные щипки инструмента, напоминающие немецкую цитру, сопровождались мягкими, щемящими тембрами, извлекаемыми смычком из чего-то наподобие скрипки. Иногда между ними вклинивалась флейта, имитируя шелест бамбуковых рощ. Позже я познал глубину китайской музыки, но в тот момент гармония ее звуков казалась мне чуждой и непонятной.

Огромный круглый стол ломился от всевозможных яств. Офицер Ван подвел меня к группе военных, оживленно о чем-то беседующих. Они разглядывали меня, словно пришельца с другой планеты.

– Ка-сы-па-тина Ла-нэ-го, это боевые товарищи генерала Мао Хунлиня: полковники Лю Дао и Хун Лусинь, начальник тыла армии Ли Юйлун. А это личный доктор генерала Хуа То Третий.

– Третий?

– Да, третий. Потому что два предыдущих умерли. Первый очень-очень давно, а второй двенадцать лет назад от рук тайпинов, – пояснил сам доктор, отбив легкий поклон.

– Значит, вы потомственный врач? – заметил я.

– Врачебное искусство у нас передается из поколения в поколение. Но мои корни, к сожалению, не восходят к великому врачу древности Хуа То.

Доктор выглядел молодежаво. Строгий до пят халат из дорогого черного шелка имел обшлага и окантовку синего цвета. На голове сидел высокий, черный, квадратной формы головной убор с тесемками, завязанными под подбородком. Внимательный, слегка изучающий взгляд, мягкий голос, неторопливые движения рук сразу располагали к себе.

– А в каком вы чине? – неожиданно поинтересовался у меня полковник Лю Дао. Он был полной противоположностью доктору. Невысокий, крепко сбитый, в военном халате с вышитыми единорогами и парчовых сапожках на толстой двойной подошве, он плотно сжимал губы и пучил глаза, словно отдавал приказ на поле боя.

– Я обер-лейтенант от артиллерии.

Видать, он меня не совсем понял и потому обернулся к офицеру Вану.

– Обер-лейтенант – это вроде ротного командира, – пояснил он присутствующим.

– Неужели не нашлось инструктора постарше и чином, и возрастом, – неприятно фыркнул себе под нос полковник.

– Компания Круппа прислала своего лучшего сотрудника. Так было сказано в их письме, – офицер Ван попытался поднять мой упавший в глазах друзей генерала авторитет.

– По моему мнению, заморские черти просто надувают нас. Ни черта их пушки не лучше наших, – вступил в разговор начальник тыла.

– Вам-то откуда это знать, господин Ли? – возразил ему доктор. – На поле боя вас еще никто ни разу не заметил.

Все засмеялись.

– Да-да, у нас всё лучшее. Только чертей заморских прогнать с нашей земли никак не удастся, – снова пробурчал полковник Лю Дао. Затем громко, но умиротворенно добавил: – С пушками и наставником разберемся завтра. А сегодня будем отдыхать.

– Будем отдыхать. Прошу всех к столу, – засуетился офицер Ван и, вежливо поддерживая гостей под руки, рассадил всех за столом. Затем подозвал пару слуг, тут же кинувшихся к деревянной перегородке, из-за которой доносились звуки музыки. Они ловко, словно занавес в театре, раздвинули ее. Оттуда выпорхнула стайка совсем молоденьких девиц, разодетых в цветастые, красочные халаты хань-фу. Над подбеленными лицами возвышались высокие и черные, как смоль, прически, украшенные бутонами цветов. Семена к столу мелкими шажками, они наполнили зал смесью птичьего щибета и веселого гомона.

– Певички из «весеннего дома», – объяснил мне их появление офицер Ван. – Расслабься, они поухаживают за тобой. Это их профессия.

Две девицы, остановившиеся у нашего стола, явно смущались меня.

– Люди называют вас заморскими дьяволами и очень боятся, – объяснил их поведение офицер Ван.

– Я это уже понял.

– Ничего... Сейчас они вас возлюбят.

Офицер Ван быстро заговорил с ними. Я лишь улавливал некоторые слова, не более. Несколько раз испуганными взглядами своих раскосых глаз, густо подведенных черной тушью, они окидывали меня с ног до макушки. Наконец офицер Ван умолк. На их лицах появились милые улыбки, а в миндалинах глаз игривость.

– Меня зовут Цветок Слив.

– А я Лунный Свет.

– Лотар, – представился я.

Они рассмеялись.

– Какое смешное имя, – обнажила белые зубки Цветок Сливы.

– Почему?

– Оно ничего не обозначает. Пустой звук. Мы придумаем тебе новое, – сказала Лунный Свет.

В это время всем поднесли чашки с ароматным сливовым вином.

– Ган бей! – громко, подобно приказу, прозвучал голос полковника Лю Дао, и все дружно опорочили чашки. Я уже знал, что это означало пить до дна и затем в виде доказательства переворачивать чашки.

– О-оо, вы уже кое-какие наши традиции знаете. Похвально, – улыбнулся доктор Хуа То Третий.

– Хорошие традиции запоминаются легко.

– Он схватывает всё на лету, – пустил пилюлю лести офицер Ван.

– Я мимолетом услышал, что дамы обещали придумать нашему гостю имя, – повернулся к девицам доктор. – Это очень интересно. Ну что, придумали? – спросил их он, сдвинув при этом брови и напустив на себя некоторую суровость. Почему-то с женщинами в Китае принято говорить именно так.

Вокруг стола наступила тишина. Все застыли в ожидании.

– Длинноносый черт, – ответила Цветок Сливы, и они с подругой залились звонким смехом. Все вокруг тоже громко рассмеялись.

– Вы не обижайтесь на этих дурочек, ка-сы-па-тина Ла-нэ-го. Так у нас зовут всех европейцев, – с трудом сдерживал себя, чтобы не расхохотаться, доктор Хуа.

Когда слуги забывали подливать вина, за них это ловко делали дамы полусвета. Вскоре все захмелели. Музыка приобрела более чувственные, интимные переливы. Рядом стали доноситься игривые повизгивания и хихиканье певичек. Они вольготно расселись на коленях мужчин и вели себя довольно раскованно, громко смеясь и откидываясь назад, распахивая при этом халаты и обнажая белоснежную кожу груди, что распалило военных мужей всё сильнее и сильнее. Цветок Сливы и Лунный Свет вели себя гораздо сдержаннее. Они либо продолжали побаиваться меня, либо ждали новых указаний офицера Вана. И вскоре они их получили. Он грозно зыркнул на них глазами и что-то очень быстро проговорил сквозь сжатые губы. Певички тут же обвинили мою шею тонкими руками и стали нашептывать какие-то напевные, приятные слова. От них, помимо аромата цветов, исходил необычно чувственный, манящий, сладострастный запах мускуса, заставляющий пробудиться в теле всем скрытым первобытным, звериным инстинктам.

– Они натирают эссенциями из внутренних секретов амурских тигров, – объяснил доктор, заметив пылающий румянец на моих щеках. – Только мертвец может устоять перед этой смесью. Кстати, вы можете выбрать любую из них. Или взять обеих. Сегодня день отдыха, – добавил офицер Ван.

«Не принимай никаких подарков. Когда их тебе преподносят, то рано или поздно попросят ответные услуги, которые могут оказаться не совсем приятными. Твоя независимость – это наша репутация. И мы оплачиваем ее тебе в полном размере», – всегда напоминал мне коммерческий директор. И я соглашался с ним. Платили мне действительно щедро. То, что певички преподносятся в качестве дара, не подлежало никакому сомнению. Но отказаться от них в тот момент было выше моих сил. Я пытался вспомнить молитвы, укрощающие плотские страсти, но ни одна не лезла в голову. Глаза певички с поэтическим именем Лунный Свет звали меня совершить с ней прогулку в мир изошренных утех, и я уже был готов подняться с ней наверх, как вдруг в воздухе появился необычный, слегка сладковатый запах дыма, шедший из

угла зала, где на широкой кушетке растянулся начальник тыла Ли Юйлун с диковинной трубкой в руках. «Да это же курение опиума!» Я много слышал о нем, но никогда не видел этого действия. Любопытство оторвало меня от стола и дам, которым я пообещал скоро вернуться.

У мраморного столика с горящей масляной лампой из синего стекла весьма тонкой работы и множеством непонятных мне приспособлений колдовал слуга. Он скатывал темно-шоколадного цвета опиум в маленькие шарики размером в просовое зерно, накалывал их на тонкие металлические иглы и укладывал на маленькую тарелочку. Начальник тыла, растянувшись на кушетке, с подушкой под головой, держал в руке странной формы длинную трубку с приделанной сбоку фаянсовой чашечкой конусообразной формы. Судя по цвету и искусной резьбе, сама трубка была выполнена из слоновой кости. Кончик слабого пламени, подымающегося из лампы, подпаливал зернышко опиума, наколотого на острую иглу, а господин Ли Юйлун подносил к тлеющему зернышку чашечку и через отверстие на ее дне с наслаждением втягивал через трубку сладковатый дым.

– Что за наслаждение заставляет человека курить опиум? – спросил я подошедшего офицера Вана.

– Вы никогда не пробовали?

– Нет, и вряд ли отважусь.

– Тогда никогда не поймете свое «я».

– Что вы имеете в виду?

– Ну, вы же хотите понять состояние курильщика?

– Да.

– Никто не может его описать словами, потому что исчезает всё: слова, мысли, краски, желания, сознание, в общем, весь мир. И остается только ваше «я». И знаете, на что оно похоже?

– Не могу даже представить.

– На безмолвную пустоту. А как описать пустоту и безмолвие?

Я замолчал. Слова офицера Вана произвели на меня впечатление. В это время желтое, словно высушенное лицо Ли Юйлунa приняло абсолютно безмятежное выражение.

– Слуга может принести еще один прибор, – намекнул офицер Ван.

– После ваших слов, возможно, я совершу путешествие в себя. Но не сейчас. У нас завтра много дел, не так ли?

– Да. Нам всем предстоит нелегкий день.

Разговор с офицером Ваном и мысль о непросто́м завтрашнем дне отвлекли меня от колдовских чар певичек из «весеннего» дома.

– Тогда, с вашего разрешения, я отправлюсь к себе. Мне очень не хотелось бы предстать перед генералом усталым и невыспавшимся.

– Благодарзумно, – ответил офицер Ван.

– Да, а вы сами это пробовали? – с интересом спросил я его напоследок.

– А как же. Но мне больше нравится оставаться в этом мире, – улыбнулся он.

– Тогда спокойной ночи! – попрощался я с ним.

Подымаясь к себе, краешком глаза я заметил, как весело хихикающие Цветок Сливы и Лунный Свет вместе с офицером Ваном отправились в одну из боковых комнат нашего гостевого дома...

Ранним утром следующего дня, после традиционно скромного завтрака, меня и офицера Вана проводили к роскошной повозке, на крыше которой красовался флаг желтого цвета с вышитыми серебристыми драконами. Два рыжих, низкорослых, широкогрудых, с длинными, спадающими чуть не до земли светлыми, шелковистыми гривами коня слегка перебирали на месте своими необычайно крепкими на вид ногами.

– Интересная порода, – с легким восхищением произнес я.

– Эти кони не знают усталости, – гордо ответил офицер Ван. – Их по-особому кормят и выращивают. Видите, какая в них сила.

– Похожи на арденских лошадей, – заметил я и добавил: – Это во Франции.

– Не знаю, не видел. Но одно знаю точно – таких больше нет нигде в мире, – буркнул в ответ офицер Ван.

В этот момент в сопровождении охраны появился сам генерал. Все вокруг склонили головы. Генерал, словно никого не замечая, прошагал к повозке и, ступив на подставленную ему под ноги подставку, исчез за черными лакированными дверцами. После него в нее поместили нас. Внутри оказалось довольно просторно. Обитые дорогим шелком стенки, мягкие подушки на сиденьях, выдвижные и откидные столики создавали уют, и деловую обстановку. Выглянув в оконце, я увидел, что нас сопровождает внушительный отряд вооруженных всадников. За их плечами висели самые современные французские винтовки системы Шасспо.

– Ка-сы-па-тина Ла-нэ-го, а разве вас не интересует, куда мы снова едем? – спросил офицер Ван на своем страшном английском, едва мы тронулись в путь. Ему, видимо, очень хотелось блеснуть перед генералом знанием чужеземного языка.

– Для меня сейчас важнее то, что я нахожусь рядом с уважаемым генералом. А куда мы едем?.. Скорее всего, к месту моей работы?

Мой ответ был быстро переведен генералу, на губах которого едва скользнула снисходительная улыбка.

– Во время нашей вчерашней короткой встречи вы неплохо говорили по-китайски, – заметил генерал, скользнув по мне коротким взглядом.

Мне уже было знакомо, что в Китае при разговоре не смотрят друг другу в глаза.

– Я только учусь, – уткнув взгляд в его черный халат, из-под которого виднелись боевые кожаные латы, – ответил я.

– Ученик вы хороший. А какой из вас инструктор, увидим скоро, – на его суровом лице вновь промелькнула легкая, снисходительная улыбка.

«Ну, мне к этому не привыкать», – про себя подумал я. Каждый раз моя молодость вызывала чувство недоверия. «А действительно ли он разбирается в своем деле?» – видимо, так искрило в головах людей, словно знатоками своего дела надлежит быть только седовласым старцам.

– Надеюсь, что не разочарую вас, – вежливо прозвучало от меня вслух.

– Иначе не стоило бы отправляться в дальний путь.

– Согласен.

– Кстати, как долго вы находитесь в дороге?

– Восемьдесят пять дней. И всё еще не достиг конечной цели. – А про себя уныло подумал: «Надеялся к Рождеству, а тут дай Бог к Пасхе домой вернуться».

– Через три дня будем на месте. Хотите ли действительно узнать, куда мы едем?

– Судя по положению солнца, на северо-запад.

– Верно. А если точнее, то... – с этими словами генерал потянул за висевший над головой шнур, и у бокового оконца стала развертываться сложенная в рулон карта Китая, – вот сюда. – Его указательный палец уткнулся в точку где-то в гористой местности. – Это Прохладное ущелье. Когда-то там разбил свой лагерь сам Чингисхан перед походом на великую Империю Сун.

– Удалось ему завоевать ее?

– Нет. Он отступил. Но его внуку, по имени Хубилай, удалось свергнуть трехсотлетнюю династию и установить свою – династию Юань. Монголы дошли до южных морей. Они покорили всех, кроме злых японцев.

«А на западе они дошли до Дуная и Средиземного моря. Невероятно», – с изумлением подумал я про себя.

– Однако правила монголы нашей страной недолго. Менее ста лет. Их смело восстание «красных повязок». А предводитель восстания, простой крестьянский сын, круглый сирота Чжу Юаньчжан, стал императором и основал новую династию Мин. Таково было веление Неба, – слегка наполнил деталями мои знания о Китае генерал Мао.

– Очень интересно. Но нынешняя династия, если я не ошибаюсь – Цин?

– Верно. Ей уже триста лет. Это великая династия. – Генерал произнес последние слова без особого восторга, скорее даже с долей горечи. Так мне показалось. А затем мелькнуло в голове: «Так он же ханец, а не маньчжур. Долго же они под пятой чужеземцев».

После этого генерал замолк и погрузился в свои раздумья, а мне предоставилась возможность разглядывать из окна повозки новые, незнакомые пейзажи. К моему удивлению, выглядели они более чем странно. Кругом царили опустошение и разруха, словно гигантский, смертоносный смерч пронесся над землей. Заросшие густым сорняком поля, пепелища сожженных деревенских домов, блуждающие стаи бездомных собак, и ни одной человеческой души. Неожиданно взгляд зацепился за высящуюся вдоль реки странную аллею из необыкновенной высоты и стройности серебристых тополей. Только они и оживляли мрачную, полную тоски и печали картину.

– Невеселый вид, – шепнул я офицеру Вану. – Бьюсь об заклад, здесь полыхала настоящая война.

– Ка-сы-па-тина Ла-нэ-го, предлагаю прокатиться верхом. Оставим на время уважаемого генерала в покое, – предложил офицер Ван Юлинь... Во время нашей предыдущей многодневной поездки мы часто практиковали этот способ перемещения. Это помогло мне размянуть тело, лучше рассматривать окрестности. Но постоянно находиться в седле мне не разрешалось. И еще я заметил, что обыкновенно конные переходы проходили в безлюдных местах. Выходит, меня скрывали от посторонних глаз.

– Люди не должны видеть чужеземца. Пойдут слухи разные... Это небезопасно, – как-то неубедительно, чего-то не договаривая, ответил на мои пожелания чаще ездить верхом офицер Ван Юлинь. Но однажды, подвыпив, он не удержался и по секрету выдал: – Хотя ты здесь еще ничего не сделал, но поверь, враги у тебя уже имеются.

– О Боже! – в легком замешательстве пробормотал я.

– Дунганские повстанцы мечтают отрезать тебе голову.

– Я их в глаза не видывал.

– Дунганам уже донесли, что к нам прибывает чужеземный наставник, потому что свои пушкари не ахти какие. А они уже поняли опасность настоящей артиллерии. Поэтому, если тебя на тот свет отправить, то им полегче будет. Понимаешь, да? А есть еще люди, которым нужны не немецкие, а английские пушки. Тоже понимаешь, да? – подмигнул он мне. – Ну, а за твою жизнь отвечаю я. Вот этой головой, – он ткнул пальцем себе в висок.

– Всё понятно, – кивнул я. Однако желание ездить верхом от этих угроз совсем не уменьшилось, и я с превеликим удовольствием продолжал кататься на крепких низкорослых китайских лошадях...

Вот и в этот раз я с радостью покинул генеральскую повозку и просто взлетел в седло. Проскакав совсем короткое расстояние в сторону вонзающихся в небо тополей, за которыми извивались мутные воды реки, я увидел множество непонятных, белеющих среди густой травы предметов. Подъехав к ним поближе, я с ужасом признал в них высохшие, обчищенные, растасканные зверьем и птицами человеческие черепа и кости.

- Господи, сохрани и помилуй! – осенив себя крестом, я развернул лошадь и чуть не столкнулся с подскакавшим офицером Ваном.
- Когда-то здесь была дунганская деревня. Ее звали Небесные Тополя...
- Красивое название...

Глава седьмая

1861 год. Провинция Шэньси

Генерал Мао прекрасно знал, чем занимался на новом месте его подопечный Чжан Сяолунь. Каждый месяц ему приходил отчет не только от него самого, но и подробное секретное донесение от начальника гарнизона Тун Бао. Генерал понял, что не ошибся в Чжане Сяолуне. Этот пройдоха сумел сразу напустить на себя важности. Направо и налево он сыпал именами знакомых сановников такого ранга, что у местной знати при их упоминании ноги подкашивались и запырало в горле. Они наперебой зазывали Чжана Сяолуня к себе в гости, искали его расположения, а в уездном ямыне, где находилась резиденция нового правителя, с раннего утра выстраивались местные чиновники, чтобы засвидетельствовать свое почтение и сделать небольшое подношение. Уездный писарь, дунганин по имени Ма Хэпинь, не был исключением. Когда настала его очередь представляться новому правителю, он завернул сто лян серебра в кусок красного шелка и спрятал его в широком рукаве халата.

- Мое имя Ма Хэпинь. Я занимаю должность уездного писаря.
- Сколько лет ты работаешь здесь?
- Пять.
- Судя по фамилии, ты из дунган. Не так ли?
- Абсолютно верно, господин правитель.
- Много еще дунган работает в ямыне?
- Я единственный.
- Значит, все дунгане тебя знают и чуть что бегут к тебе, верно?
- Да, именно так.
- Выходит, ты личность известная. Наверняка ты знаешь много достойных дунган в своем уезде?
- Не только в уезде. Во всей провинции, – прихвастнул писарь.
- И с чем ты явился ко мне?
- Я понимаю, что ваш переезд сюда потребовал не только много сил, но и больших расходов. В силу своих скромных возможностей я приготовил вам маленький подарок, – писарь Ма протянул Чжану Сяолуню завернутое в красный шелк подношение.

Чжан Сяолунь раскрыл сверток: «Хм-мм, чиновники его ранга подносили мне по двадцать, тридцать лян. А этот писарь целую сотню. Понятно, что не последнее принес. Значит, умеет обирать своих, – наметанным глазом отъявленного мошенника он сходу вычислил в нем взяточника-вымогателя, коими были забиты все ямыны по стране. – А вот, кстати, такой-то дунганин мне и нужен, – быстро сообразил в уме правитель уезда. – Надо брать его немедленно в оборот!»

– Ты знаешь, что это такое?! – держа в руках серебряные слитки и выкатив в гнев глаза, неожиданно взревел Чжан Сяолунь. – Это должностная взятка! Я сгною тебя в тюрьме! Мерзавец!

– Господин правитель, это знак уважения. Никакого умысла, – залепетал не ожидавший такого поворота писарь Ма.

– Это ты расскажешь на допросе! Стража!!!

Тотчас же распахнулись створчатые двери, и в зал вошли два стражника.

– Вы свидетели! – громко объявил Чжан Сяолунь. – Этот негодяй – взяткодатель! Вот перед вами сто лян, которые он пытался сунуть мне. Арестовать преступника!

– Простите меня, господин правитель! Не губите! У меня большая семья, маленькие дети, – писарь рухнул на колени и склонил голову к полу.

Стражники остановились в растерянности. Они хорошо знали писаря Ма.

– Я пощажу тебя при одном условии, – окидывая взглядом согнувшуюся на полу фигуру, промолвил уездный правитель Чжан.

– Я готов выполнить тысячу ваших условий. Только пощадите меня, – донесся снизу дрожащий голос.

– Стража, вернитесь на место! – приказал правитель Чжан и, дождавшись, когда они скроются за дверью, обернулся к несчастному писарю Ма: – Встань и слушай меня! К началу следующей луны ты составишь список всех дунган провинции, проявляющих недовольство властью и способных к мятежу.

От услышанных слов тело писаря Ма сначала стало горячим, словно его опшарили кипятком, затем покрылось холодной, почти ледяной испариной: «О Всевышний! Этот человек – шайтан! Зачем ты ниспослал его на мою голову?»

– Да-да, список будет готов, – еле слышно пролепетал он.

На ватных, утративших силу ногах он добрел до дома. Его жена, Лю Чихэр, хлопотала под навесом у печи. Увидев тень тенью, ни живого, ни мертвого мужа, она в ужасе кинулась к нему:

– Что случилось?! Ты заболел?

– Нет, хуже. Я заживо умираю... от страха.

– Ну, если еще не умер, что-нибудь придумаем. Пойдем в дом.

Писарь Ма подробно рассказал ей, что произошло во время встречи с уездным правителем.

– Все, кто окажется в списке, лишатся рано или поздно жизни. Получается, я предатель и их убийца. Нам надо бежать отсюда. Деньги имеются. Уйдем на Формозу.

– Осёл! Всю семью погубить хочешь?! Мы не пройдем и десяти ли, как нас поймают. И тогда точно головы снесут. А вот если проявишь себя, выслужись перед новым правителем, глядишь, и на повышение пойдешь.

– Но я ведь должен список составить.

– Составим, – жена строго взглянула на своего мужа. – Только внесем туда тех, кто жизнь нам портит. Что, мало таких, кто слухи гадкие разносит о тебе? Разве наш сосед Ян Шэнли не шепчет на каждом углу, что ты своего наставника погубил, чтобы его место занять? А ахун из Высокой мечети? Разве не он называет тебя жалким взяточником? Да таких негодяев на несколько списков наберется. От них избавимся и жить спокойнее будем.

– Как говорится, одним камнем двух уток убить, – с облегчением вздохнул писарь Ма. – Ох, и что бы я без тебя делал?

– Я лично займусь этим списком, – лицо жены исказила гримаса злорадного торжества.

Вскоре по уезду Чаньянь прокатилась волна арестов. Хватали только дунган. На аресты «злодеев» Чжан Сяолунь выезжал вместе с командиром гарнизона Тун Бао. Нравилось ему показать свою власть и силу над безропотными, до земли склонившими свои головы людьми.

Выдержать изощренные пытки и не заговорить, не оговорить знакомых могли немногие. Таких отвозили в столичный Сиань, где показательно отрубали головы. «Ты сын шайтана! Гореть тебе в вечном аду!» – крикнул залитый кровью ахун из Высокой мечети прямо в лицо Чжану Сяолуню. Больше от него до самой казни, кроме заунывных бесконечных молитв, никто ничего не услышал. Тех же, кто не выдерживал мучений, заставляли наговаривать на других.

– Я ни в чем не виноват. Я знаю, это дело рук писаря Ма Хэпиня, – уверял Чжана Сяолуня избитый до полусмерти Ян Шэнли, сосед писаря.

– Зачем ему это делать? Он честный, порядочный человек, – притворно отвечал правитель Чжан.

– Вы не в курсе. Шесть лет назад на этой должности работал его дядя. Он взял Ма Хэпиня к себе помощником. А через год внезапно умер, и должность за хорошую взятку перешла к Ма Хэпиню.

– Ну, и что в этом необычного? Разве он виноват в смерти наставника?

– Ма Хэпинь часто говорил мне: «Да на месте дяди я заработал бы кучу денег. А этот глупец всем помогает за просто так и живет в бедности». Перед погребением я случайно рассмотрел губы дяди вблизи. Они были темными, и на них запеклась кровь. Так умирают от крысиного яда...

– И ты хочешь, чтоб я поверил твоим выдумкам?! – прервал рассказ Ян Шэнли правитель Чжан. – Ты оговариваешь честного человека. Я прикажу казнить тебя за клевету, мерзавец!

Ян Шэнли не ожидал такой реакции правителя. Он тут же представил, как его голова катится по пыльной земле, и крупная дрожь от смертельного страха внезапно охватила тело.

– Быстро называй имена трех мятежников, и я дарю тебе жизнь, – громко, прямо в лицо прокричал ему правитель Чжан.

Сломленный Ян Шэнли, лязгая зубами, еле выговорил три первых пришедших в его голову имени своих знакомых. Тюремный писарь аккуратно вписал их в протокол допроса.

– Пятьдесят ударов! Одеть кангу и держать месяц на рыночной площади! Увести! – вынес свой приговор правитель Чжан.

Как только несчастного увела стража, из-за занавески показался писарь Ма.

– Так ты вдобавок ко всему еще и убийца, – Чжан Сяолунь напустил на себя грозный вид. – Ты знаешь, что заслуживаешь смертной казни?

– Да. Моя жизнь теперь целиком в ваших руках, господин Чжан, – не подымая головы, жалобно выдал из себя писарь Ма.

– Я позволю тебе жить до тех пор, пока будешь верно служить мне.

– Господин Чжан, во всей Поднебесной вы не сыщете человека преданнее меня.

Аресты перекидывались из одного селения в другое. «Эти мерзавцы создали целую сеть!» – убедительно тряс признаниями правитель Чжан Сяолунь, совершая визиты в соседние уезды и округа. Через короткое время все, включая губернатора провинции, глубоко уверовали в вероломство дунган, поджидающих удобный момент для мятежа. Чжан Сяолунь ликовал: «Всё оказалось легче, чем думалось. Чтобы начался камнепад, нужно лишь столкнуть камень с горь».

К нему каждый день обращались люди с прошениями о помиловании своих близких. Но он не слушал печальные истории, горькие стенания, не испытывал никакой жалости, а приказывал страже гнать всех в шею за ворота. Он хорошо выучил наставления генерала: «После столкновения с произволом, беззаконием, несправедливостью дунгане впадут в уныние, отчаяние, их охватит чувство безысходности. Затем появятся чувства ярости и гнева, злобы и мести, которые, в свою очередь, сменятся убеждением, что восстановить справедливость можно только силой. Останется лишь поднести горящую спичку, и запылает костер народного мятежа. Вот именно этого момента нам и надо дожидаться. Тогда мы обвиним дунган, от мала до велика, во всех смертных грехах и истребим их раз и навсегда».

Всё шло по плану, и Чжан Сяолунь лишний раз убеждался в необыкновенных способностях дяди. Как-то раз, освободившись от дел и растянувшись на кушетке, он нетерпеливо ожидал, когда слуга подготовит прибор для курения

опиума. Наконец пламя лампы коснулось опиумного зернышка, и жадно втянутый пахучий, ядовитый дым в одно мгновение впитался в тощее тело. Привычное блаженное состояние накрыло его. Но в этот раз по пути к безмолвной пустыне он неожиданно увидел необыкновенную картину, разворачивающуюся прямо перед его глазами: алеющий рассвет, светло-серое небо с темнеющими облаками, снежные зубцы горных вершин, бурые долины, зеленые леса. Всё вдруг стремительно стало менять свой окрас, и вот уже сама земля и воздух приняли необычно яркий желтый цвет, подобный императорскому знамени. Вспышки черных молний беззвучно прорезали желтое небо, ударяли остриями о пожелтевшую землю, поднялась страшная буря. Ветер набрал скорость, и вскоре закружились сотни гигантских смерчей. Они бесшумно неслись над тучными, плодородными полями, бамбуковыми рощами, полноводными реками, беспощадно сметая на своем пути людей и дома, курильни и храмы, целые города...

Наутро, выйдя из забытья, он долго пытался вспомнить что-то необычное, отпечатанное где-то в складках сознания. «Что же это было? Что?» – мучился он. И наконец щелкнуло, вспыхнуло, пробило – желтая буря! Прикрыв глаза, он попытался увидеть ее еще раз. Но не смог. «Разве можно увидеть цвет ветра? – рассмеялся Чжан Сяолунь. – А вот если я наш план назову “Желтой бурей” и дяде напишу об этом в следующем письме? Ему наверняка понравится».

* * *

По всей провинции Шэньси паника охватывала дунган подобно пожару в сухую пору. «Что делать? Как спастись? Куда бежать?» Цинские солдаты могли ворваться и увести с собой кого угодно. Жаловаться некому. Даже самые богатые дунганские кушцы и торговцы не могли откупиться, приобрести ярлык безопасности. Деревня Небесные Тополя, где жил Эбду и не одно столетие стояла их школа мусульманского ушу, входила как раз в уезд Чаньань, и здесь схватили местного маслодела Шин Дивазу. После обеденной молитвы в мечети задержались несколько человек. Эбду вместе с отцом был среди них.

– Мы все вместе выросли с Дивазой... Кроме длинной дороги до маслобойни и короткой до мечети, никакой другой он не знал. Какой из него мятежник и разбойник? Здесь какая-то ошибка, – покачал головой ахун мечети Ма Лихэр. – Как мы можем помочь ему?

– Надо собрать денег и зайти к Ма Хэпию. Уж он точно сможет помочь, – предложил Железный Кулак.

– Насчет денег не беспокойтесь. Сколько надо, столько будет, – заверил старший брат маслодела Шин Сулян.

– Писарь теперь важным человеком стал. Вечно возле нового правителя трется. На ухо шепнет, деньги занесет, и отпустят нашего маслодела. Нет чиновника, который устоял бы перед слитками серебра. Главное – сколько. Вот, к примеру, чиновник третьего ранга, от которого зависит разрешение на торговлю овощами, берет десять лян. Чиновник второго ранга, выдающий бумаги на забой скота уже двадцать, а...

Но старосте Любузе, к которому давно прилипло прозвище Многословный, не дали развить речь.

– Любуза, ты решил нам весь преискурант взяток перечислить? Знаем мы его наизусть. А вот такое дело впервые. Сколько занести? Много дашь – подумают: «А-а-а, за просто так столько не приносят». Мало дашь – еще хуже будет, – мудро заметил ахун. – Может, ты сходишь, Железный Кулак?

Железный Кулак молча кивнул головой.

– Нет, пойду я. Я – староста деревни. Это моя обязанность, – решительно выступил вперед Любуза.

– Ты заболтаешь писаря и точно забудешь спросить о деле. Пусть идет Железный Кулак, – поставил точку ахун Ма Лихэр.

В уездный ямынь Железный Кулак взял с собой Эбду.

– А почему все дунгане бегут к Ма Хэпиню? – поинтересовался по дороге Эбду.

– Ну... Он один-единственный такой, – чуть подумав, ответил отец.

– Какой?

– Который сумел выучиться, экзамены сдать, в ямынь к маньчжурам устроиться, связями обрести.

– И что, больше нет никого?

– Мало нас таких. Маньчжуры не дают нам учиться. Боятся они нас и ненавидят. Знают, что верно и преданно мы никогда им служить не станем.

– А ханьцы? Они верно служат маньчжурам?

– Ханьцы, в отличие от нас, очень терпеливые и умеют ждать своего момента. Можно принять смиренный вид днем и точить свой меч ночью. А маньчжуры, кстати, слабеют на глазах.

– И от этого только злее становятся.

– Да, бессилие порождает злость и ненависть.

В это время они подошли к ямыню. У ворот стояла огромная безмолвная толпа обычно шумных, крикливых дунган. Подошедшего к ним Железного Кулака узнали многие. Молча кивали ему головой в знак приветствия.

Железный Кулак отвел в сторону знакомого старика-мельника из соседней деревни.

– Чего они все ждут?

– Вестей о своих близких.

– А у тебя что?

– Сына забрали. Три дня прошло. Ничего не говорят, – мотнув головой в сторону ямыня, пожаловался старый мельник из соседней деревни.

– К писарю Ма Хэпиню обратился? – спросил Железный Кулак.

– Конечно. К кому же еще?

– И что?

– Деньги взял. Обещал помочь.

– Сколько берёт?

– Просил никому не говорить.

– Мне скажешь?

– Тебе – да. Сто лян.

– Сто лян?!

– Э-эх, лишь бы помог...

– Ну да, конечно.

– А кого-то он вообще сумел вытащить? – поинтересовался Эбду.

– Говорят, что многих от смертной казни спас. Отделались палками. Ну, а больше кто расскажет? – с горечью ответил старик. – Люди так перепуганы. Ни радостью, ни бедой не делятся больше – вдруг ляпнут не то.

– К писарю можно пройти? – спросил старика Янь.

– Можно. Только охранникам по два ляна сунуть не забудь.

– Жди меня здесь. Такие дела только с глазу на глаз делают, – наказал отец Эбду и двинулся в ямынь.

Пробыл он там недолго.

– Слава Всевышнему, обещал помочь, – удовлетворенно проговорил он, выйдя от Ма Хэпиня. – Выглядит, правда, наш писарь не очень хорошо. Постарел, поседел за это время. Видно, сильно переживает за своих, – добавил он.

Хотя Железный Кулак и писарь Ма Хэпинь были из одной деревни, встречались они редко. Каждый занимался своим делом. Хэпинь с детства прилеж-

но учился. Затем уехал в Сиань продолжать учебу. Долгое время о нем ничего не было слышно. И только много лет спустя он появился в уездном ямыне. По деревне бродили слухи, что он убрал дядю и занял его место по науськиванию своей злобной, высокомерной жены Лю Чихэр, которую мгновенно прозвали Змеиной Головкой. И что взятки брат заставляет опять же она.

«Каждый лично будет отвечать за свои деяния, там, перед Всевышним. А нам надо решать проблемы здесь, на земле. Главное, умеет человек это делать или не умеет», – говорили предприимчивые дунгане, заноса взятки. Ма Хэпинь хорошо умел улаживать дела и богател просто на глазах. Так продолжалось добрых пять лет...

«О! И откуда принесло этого шайтана?! Что делать нам?! О, несчастные мы!» – причитал первое время после сделки с новым правителем Ма Хэпинь. Ни он, ни его жена Змеиная Головка не могли даже предположить, во что всё это выльется. Сколько горя и слез образуется в одночасье. Когда Ма Хэпинь увидел допросы, пытки и затем вывешенные в клетках головы ахуна из Высокой мечети и других знакомых ему людей, его охватил ужас. К удивлению людей, голова писаря стала сесть прямо на глазах, и через месяц из-под черной шапочки с красным шариком тянулась совершенно белая коса.

– Лучше бы мы убежали тогда. Теперь, если не Чжан Сяолунь, то свои зарежут, – не прикасаясь к любимым блюдам, как-то раз обреченно произнес Ма Хэпинь.

– Рано или поздно любая буря стихает, – как всегда мудро заметила жена. – И запомни, никто тебя пальцем не тронет, если нужен будешь.

– Э-эх, да моя жизнь и связи медяков теперь не стоит.

– Глупец. Вот теперь-то мы и заработаем. А тебя еще героем назовут.

– Не шути.

– Какие шутки? Я уже пустила среди наших слух, что ты арестованных от смерти отвести можешь. Ну, не за красивые глазки, конечно.

– Ты что, бредишь? От меня ничего не зависит.

– В том-то и дело. Пусть всё идет своим чередом. Ты сам говорил, что большинство не выдерживает пыток и доносит на других. Значит, их головы останутся на плечах. А уж молчать они будут всю оставшуюся жизнь. Так вот, запомни – это ты им помог! Люди охотно в это поверят, и увидишь, очередь к тебе выстроится. Последнее принесут, чтобы своих спасти.

– А что делать, если деньги возьму, а человеку голову снесут?

– Скажешь, что не всегда удается, что это было выше твоих сил. Деньги обязательно назад вернешь. Всё как бы по-честному. Ну, а когда затишье наступит, сбежим.

– Что ж, попробовать можно.

– Но ты выглядишь подавленным и неуверенным. Это – признак слабости. Как же ты можешь за жизни других бороться, если у самого сил и духа нет? Ешь! – приказала жена. Ма Хэпинь послушно съел несколько кусочков томленой в остром соусе курятины с овощами.

Через короткое время слова Змеиной Головки полностью сбылись, и писарь Ма Хэпинь обрел невиданный авторитет и еще большую прибыль...

...Маслодел Щин Диваза с изумлением встретил сначала обвинения в заговоре против власти, а затем предложение спасти жизнь в обмен на оговоры.

– Я всю жизнь прожил мирно и честно. Таким и предстану перед Всевышним, – захлебываясь в собственной крови, твердо прошептал он, глядя в глаза палачу.

– Этот будет молчать. В Сиань, на казнь его, – доложил в свою очередь опытный палач правителю Чжану Сяолуню...

Через пару дней после встречи писарь Ма Хэпинь появился во дворе школы ушу тихо и незаметно. Он стоял в сторонке, наблюдая, как Железный Кулак вел урок. На выложенной каменными плитами площадке под его зычные команды упорно отрабатывали движения оголенные по пояс крепкие парни. Заметив Ма Хэпина, Железный Кулак подозвал Эбду, который тут же заменил его, а сам подошел к уездному писарю.

– С маслоделом Дивазой всё очень плохо. Он впал в ступор. Молчит. День и ночь молится. Правитель Чжан Сяолунь считает его очень опасным и приказал в Сиань отправить. Ну, а там, сам знаешь, голову долой – и вся недолга.

– И ты ничем не смог помочь?!

– Я пытался сделать всё возможное, но это выше моих сил. Деньги возвращаю сполна. Вот они. Не обессудь.

Мелкая, ссутулившаяся фигура писаря с белой косой скрылась за воротами.

– Смотри, честный и порядочный оказался, – держа в руках деньги, сказал отец подошедшему и всё слышавшему Эбду. – А слухи о нём совсем другие распускают. Нет. Нельзя сплетням верить, – покачал он головой.

– Отец, а мы что, так и будем сидеть руки сложа?

– Ты о чем, Эбду?

– Так ты ведь сам говорил: «Диваза – единственный, кто чист как ягненок. Столько людям добра делал». А теперь что? Мы все от страха в кусты? Бросим его на растерзание? Где совесть, справедливость?! Кто-то должен ведь бороться?! Мы должны освободить, спасти Щин Дивазу!

– Тс-сс! – резко осмотрелся по сторонам отец. – Не болтай чего ни попадя! В герои записаться хочешь? Без головы остаться торопишься?

– Если ничего не делать, еще быстрее отрубят.

– Если не суждено, не отрубят. На всё воля Всевышнего. Аллаху акбар! – он провел ладонями по лицу, показав, что разговор закончен.

Эбду не успокоился. Слова отца прозвучали неубедительно. Он еле дождался окончания занятий. Быстро обтерся влажным полотенцем и помчался к своему другу, лодочнику Мусе.

– А чего этого маслодела ты вздумал спасти? Он же не ваш родственник. У него братья есть? Есть. Пусть они думают, – неспешно почесав мощный затылок, высказался Муса.

– Они боятся. Все вокруг боятся, – с досадой выговорил Эбду.

– А ты нет?

– Тоже боюсь. Но кто-то ведь должен? Давай вместе.

– Хм-мм... Мне еще жениться надо.

Эбду слегка вздрогнул от таких, совсем не к месту сказанных слов.

– Ну да... Пора уже, – кивнул он другу.

– И тебе тоже.

– Я не спешу.

– Почему?

– Сам не знаю...

Здесь Эбду явно слукавил. Он не торопил родителей с поисками невесты по одной простой причине – у него появилась любимая женщина. Первая в его жизни. Но она была ханька и что еще страшнее – вдова. Совсем молоденькая, но вдова. Ее звали Сун Янлинь. Он держал свою связь, как тайну, за семью печатями. Благо, жители Небесных Тополей редко появлялись в уездном городке, расположенном на другом берегу реки Вей.

Около полугода назад он искал в здешних торговых рядах с разноцветными шелковыми тканями подходящие отрезки для подарков. Бойкие, говорливые торговки, предлагая товар, не забывали отпускать в сторону крепкого молодого Эбду игривые взгляды и шуточки.

– А на мой товар взглянешь? – необыкновенно мягкий, нежный голос прозвучал словно звон серебряного колокольчика среди рыночного шума и заставил его обернуться. Какое-то мгновение он не знал куда смотреть: на нее или на развевающиеся складки шелка. Но, напустив на себя серьезность, он, конечно же, стал рассматривать ткани. Однако взгляд его, подобно намагниченной стрелке, всё время возвращался к ней. Он не понимал причины этого притяжения. Как и того, почему вдруг вспыхнул в нем внутренний пылающий жар, разбежавшийся по телу, заставивший рдеть алым румянцем щеки. А она совсем не тупила свой взор. Видя его смущение, в ее карих глазах над слегка выступающими вперед высокими скулами заиграл бесенок, и чуть пухлые губы слегка растянулись в легкой насмешливой улыбке.

– Ну как товар? Нравится? – вновь прозвенел ее голос-колокольчик.

– Угу, – еле выдавил он из себя, так как у него внезапно пересохло горло, и он не мог вымолвить больше ни слова. Он ничего не купил у нее в тот раз. Но после этого стал приходиться каждый день и покупать по одному отрезку. На седьмой день она шепнула ему адрес своего дома.

Та ночь отпечаталась в его памяти навсегда... А сейчас ему показалось, что он осязает на своих губах вкус ее тела, хотя с последней встречи миновало уже два дня. «Может, действительно зря в герои лезу? Со всех дунган в Поднебесной головы ведь не снимут. Всё скоро успокоится. А жизнь – приятная вещь...»

– Ты чего притих? – осторожно спросил Муса, увидев отлетевшего в потусторонний мир Эбду.

– А-а-а?.. Да так, задумался что-то, – вернулся на землю Эбду. – Наверное, ты прав.

– Ты о чем?

– Ну да... У маслодела братья родные имеются. И вообще, на всё воля Всевышнего, – сбивчиво ответил Эбду.

– Ага, вот теперь-то правильно заговорил, – с облегчением выдохнул Муса.

Через несколько дней голова Дивазы рядом с десятками других сохла в клетке на высоком шесте у крепостной сианьской стены под яркими солнечными лучами. Смерть маслодела все-таки сильно потрясла Эбду, острой занозой вошла в его сердце. Она казалась ему личным предательством, которое он записал на свою совесть. Никакие миролюбивые проповеди в мечети не могли заставить его простить палачей. «Раз в Коране говорится: “Жизнь – за жизнь, глаз – за глаз, нос – за нос, зуб – за зуб, за раны – возмездие”, – этого я и буду держаться. Они ответят за содеянное. Рано или поздно. Но не только перед Аллахом, а в первую очередь перед мной», – закаменело в его голове.

После этого в провинции стало утихать с арестами и казнями. Дунгане успокоились. Затем, правда, случилось событие с отцом, старостой Любузой и Мусой. Но оно уже не вызвало особого всплеска и обсуждалось просто как некое недоразумение. Казалось, жизнь вошла в прежнюю, размеренную колею. Народ вновь пропадал на своих полях, огородах, в лавках, закусовых, на постоянных дворах. На деревенском сходе восстановившийся Ян Железный Кулак был избран новым старостой. Поначалу он не соглашался на эту должность. Но его убедил ахун Ма Лихэр:

– Ради нашего дела, соглашайся. Так будет легче по дворам ходить, связь держать. Никто ничего не заподозрит.

Эбду за это короткое время сильно повзрослел. Так в один день игривый львенок превращается во льва. Янлинь сразу заметила в нем перемены.

– Ты стал взрослым мужчиной. Жестким и молчаливым, как волк.

– А раньше?

– Был похож на щенка. Нежного и ласкового.

– А какой лучше?

– Не имеет значения. Главное, ты со мной.

Он появлялся у нее ночами и уходил ранними рассветами. Чтобы не светиться на лодочной переправе, Эбду переправлялся через реку вплавь. В укромном месте среди камышовых зарослей он скидывал с себя одежду, завязывал в узел, укладывал сверху на припрятанный там же бараний бурдюк и отправлялся на другой берег, где повторял действия в обратном порядке.

Прошла осень, наступила зима. В ту ночь дул студеный ветер. Переплыв реку, Эбду ощутил пронизывающий до костей холод. Добравшись до заветного дома и очувтившись на теплом кане, рядом с наливающей ему горячей ароматный чай Янлинь, он ощущал себя в раю. «Как же она красива», – в который уже раз думал он. Светящаяся, фарфоровая кожа, тонкий, изящный профиль, длинные густые ресницы, всегда чуть улыбающиеся с легким лукавством глаза, алые, припухлые губы и мягкие плавные движения рук и тела. В последние дни она стала еще милевиднее, женственнее, горячее, страстнее в долгих ночных ласках.

– Янлинь, а ты немного изменилась, – заметил он.

– И стала меньше нравиться?

– Нет. Ты стала еще красивее.

– Правда?

– Правда.

– Тогда дай руку.

Она своими нежными пальцами взяла его сильную, мозолистую руку и положила себе на живот. Он был более упругим и округлым, чем обычно. Где-то там внутри, ему показалось, что он ощущает какой-то мелкий, спрятанный предмет.

– Как будто яблочко там припрятала, – заметил он.

– Яблочко, – засмеялась она в ответ. – Это наш ребенок. Мальчик или девочка, точно не скажу.

– Машаллах! – на его изумленном лице засияла улыбка.

– Что ты сказал? – с интересом спросила Янлинь.

– Я так рад.

– Я тоже... Но я не хочу навлекать на тебя гнев твоих родителей.

– Что ты имеешь в виду?

– Ты же знаешь, ребенку от вдовы мало кто рад. Не беспокойся, я сумею воспитать его сама.

– Что?! Ребенок не может жить без родителей. Он заслуживает счастливой судьбы. Я расскажу обо всем своему отцу, маме. Они поймут и разрешат мне жениться на тебе, – твердо произнес Эбду.

– У нас разные веры. Все будут против нас. Нам не дадут быть вместе.

– Поверь мне, никто и ничто не разлучит нас.

– Давай не будем торопиться. Звезды подсказывают, что это лучше обсудить после Нового года. Год Черной Собаки обязательно принесет нам удачу.

Янлинь прильнула к нему, прижалась, как теплый, нежный котенок. А он вдыхал запах ее волос, и голова кружилась, и силой наполнялось тело, и снова ощущал он себя в раю небесном, который не хотелось покидать.

* * *

После встречи с высшими сановниками Небесной империи генерал Мао Хунлинь тихо и без лишнего шума прибыл в Сиань. С собой он привел пятьдесят батальонов отборных солдат, которые маршем прошли мимо города и разбили лагерь на южном берегу реки Вэй, оградившись от любопытствующих

людских глаз многочисленными постами. Генерал-губернатор провинции Шэньси радушно встретил генерала Мао и отвел ему лучшие покои в своем роскошном дворце. Первым делом генерал Мао вызвал к себе Чжана Сяолуня, который, узнав от посыльного о приезде дяди и срочном вызове во дворец, жутко перепугался. «Чего это он инкогнито прибыл сюда? Уж не переборщил ли я в чем-то? Политика ведь дело тонкое. Один неверный шаг и... – Он тут же отогнал прочь мысли о плохом. – Чего раньше времени нагонять на себя страхи? Скорее всего, дядя привез новый план действий. Сейчас опасно отправлять секретные письма даже с императорскими курьерами. Разбойники на всех дорогах орудуют. Перехватят, беды не оберешься». С такими мыслями он прибыл во дворец. Дядя выглядел строго, но доброжелательно. Отбив поклоны и обменявшись приветствиями, они уютно разместились в чайной беседке посреди пруда с золотыми рыбками, парой степенных лебедей и множеством проворных уток-нырков.

– Дорогой дядя, позвольте узнать, какая необходимость заставила Вас позабыть на время важные дела в столице и отправиться в такую даль? Может, Вы недовольны моей работой? Тогда я готов понести любое наказание, – осторожно начал разговор Чжан Сяолунь, готовясь на всякий случай ко всяким неожиданностям.

– Ну что ты, мой дорогой племянник, – остановил его дядя. – Мне кажется, что ты послан сюда самим Небом. Вряд ли кто-то другой справился бы с моим поручением лучше тебя. И название плана «Желтая буря» мне по душе.

Чжан Сяолунь незаметно выдохнул из себя все тревоги и подозрения, скопившиеся по пути во дворец.

– Откровенно говоря, всё оказалось легче, чем ожидалось. Ваши наставления я сравнил бы с гениальными музыкальными произведениями.

– Всё зависит от мастерства музыканта. И ты, кстати, сыграл замечательно. Но сейчас перед нами встает новая, более сложная задача. И потому я здесь.

– Как говорится, в долгую дорогу не отправляются ради пустячного дела.

– Именно так. А сейчас мне хочется услышать всё, что ты знаешь о главных сановниках провинции. Во всех подробностях. Начнем с губернатора...

Встреча-совещание, устроенная генералом, проходила в обстановке полнейшей секретности. На ней, кроме прибывших с ним ближайших соратников, присутствовали только правители областей, генерал-губернатор провинции и мэр города Сианя. Генерал Мао хорошо знал силу своего авторитета, и потому голос его звучал мощно и убедительно.

– Признания одних злодеев и молчание других не оставляют никакого сомнения в том, что дунгане готовятся к большому мятежу. Кто не хочет этого видеть, закрывает глаза и уши, будет рассматриваться как предатель, пособник мятежников. Таких ждет суд и наказание за государственную измену. – Он суровым взглядом обвел присутствующих, которые от такого предупреждения невольно втянули головы поглубже в плечи.

– У нас есть теперь шанс раз и навсегда покончить с мусульманским племенем, сидящим подобно занозе в самом сердце Поднебесной, – продолжил он. – Опыт военной кампании в Юньнани ясно говорит – дунгане мало сплоченный народ без сильных вожаков-лидеров. Каждый сам за себя. Никакой четкой структуры, организации, способной собрать люд на сопротивление. Это значительно облегчает нашу работу. В чем она заключается? Мы должны в кратчайшее время создать отряды народной милиции. Не менее пятидесяти тысяч бойцов. Я привел с собой двадцать пять тысяч лучших солдат. Вместе вполне хватит справиться с врагом. – Он снова обвел глазами притихших, обомлевших от его слов гостей.

До многих только сейчас стал доходить их смысл: «Война!»

– Подготовкой и обучением добровольцев займутся мои военные советники, а общее командование операцией «Желтая буря» останется за мной, – завершил свою речь генерал Мао.

В зале с резными деревянными столбами наступило затишье. Гости заметно напряглись, в головах заметались самые разные мысли, но лица не выражали никаких эмоций.

– Да, пора с ними кончать!.. Достали они нас!.. Без них спокойнее будет!.. – стали раздаваться голоса самых ушлых и подлых чиновников. Они затыкали, словно шакалы, готовящиеся к кровавому пиру у тела обреченной жертвы. Вскоре под высоким потолком призывы покончить с предателями-дунганями зазвучали дружно, как голоса в певчем хоре. Помалкивал лишь мэр города Сиань. «У меня в одном дунганском квартале их двести тысяч. А по всему городу? Лег пятьсот они вполне мирно живут здесь и никому не мешают. А я их должен уничтожить? За что? Силы небесные, надеюсь, вы подскажете мне выход из положения», – взмолился он про себя.

Едва заметная улыбка на лице генерала выражала удовлетворение быстрым согласием местной знати поддержать его, а под прищуром жестких, волчьих глаз таилось глубокое презрение к этим же самым людям, так легко и быстро предавшим своих соседей.

...Среди оголодавшего, обнищавшего ханьского народа найти пятьдесят тысяч добровольцев, которым обещали сытную пищу и кров над головой, не составило никакого труда. Труднее было отыскать среди них физически сильных и крепких, кто мог не только удержать в руках тяжелый меч, но и одним махом рассечь им туловище-чучело из мягкой глины или длинной пикой проткнуть плотно увязанный камышовый сноп. Таких находилось немного. Из них создавались особые, ударные батальоны. К концу одна тысяча восьмисот шестьдесят первого года по григорианскому календарю, соответствующему китайскому четыре тысячи пятьсот пятьдесят восьмому году Металлического петуха, народное добровольческое ополчение провинции Шэньси было готово к военным действиям.

Глава восьмая

1862 год. Год Черной Собаки. Деревня Небесные Тополя

Деревня Небесные Тополя была известна далеко за своими пределами не только рыночной площадью, но и новогодним танцем гигантского дракона. Его туловище растягивалось на десять чжаней, а голова и хвост взмывали вверх чуть ли не до макушек тополей, обрамляющих площадь. Управлять таким огромным чудищем – дело непростое. В школе ушу Эбду и ученики проводили много времени, чтобы четко и слаженно выполнять многочисленные движения. В тот год народу собралось, как всегда, много. Посмотреть на красочное представление стекались толпы зевак со всех соседних деревень. Торговцы едой не теряли времени даром. Кругом дымились жаровни с мясом, клубились пары от чанов с мантами, нос дразнил запах жаренных в масле пампушек. Сытый народ в нетерпении ждал зрелища.

Наконец, ударили в медные гонги, ритмично забил огромный барабан, в восторге завизжали детишки. Сначала на площади появились свирепые, с пышными гривами танцующие львы. Они плавно изгибались, присаживались на задние лапы, изображали прыжки и схватки между собой. Под шумные веселые крики они покинули площадь, на которую тут же вбежали одетые в зеленые одежды юноши, держащие в руках длинные бамбуковые песты, на ко-

торых извивалось яркое, разноцветное туловище дракона. Устрашающего вида массивную голову с черной гривой и белыми клыками поддерживал старший брат Эбду, по имени Ваншан. Эбду двигался последним и управлял хвостом. Дракон носился по площади, то взмывая вверх и опускаясь вниз, то пикируя на шумную толпу, взмахивая хвостом поверх голов и заставляя народ еще громче визжать. Веселье стояло в самом разгаре, когда внезапно с диким ржаньем на площадь влетели три конных всадника в боевых одеждах. Из-под темных халатов с вышитыми на них серебрястыми ящерицами проглядывали кожаные латы из буйволиной кожи, на головах красовались шлемы с перьями, с поясов свисали широкие мечи в ножнах, а к лукам седел были приторочены странные мешки из плотной, побуревшей от запекшейся крови ткани. В руках они держали длинные пики. Перестроившись в ряд, всадники пустили коней прямо на замершего в воздухе дракона. Остановившись перед драконом, кони вздыбились, забили о мерзлую землю копытами.

– Э-эй, морды чумазы! Повеселиться собрались?! Сейчас мы вас развеселим!.. – громко прозвучали пьяные голоса. Своими длинными пиками они стали выбивать шесты из рук танцоров. Первым не выдержал Ваншан. Он бросил голову дракона на землю и встал перед всадниками со своим шестом в руках.

– Кто вы такие?! Что вам надо?! – заорал он, выпучив глаза.

Эбду знал, что старший брат легко впадает в ярость и может наломать немало дров. Он освободился от хвоста и встал рядом.

– Проваливайте отсюда по-хорошему, – как можно спокойнее произнес он, руками придерживая брата за плечи.

– А нам нравится здесь... Мы тоже хотим праздника... – гарцуя на конях, нагло, с издевкой выкрикивали всадники.

Ваншан не выдержал, вырвался из рук Эбду и наотмашь ударил шестом по крупу ближайшего коня. Конь дернулся, всадник резко покачнулся, но удержался в седле.

– Ах ты мерзавец! – гневно вскричал верховой и резким движением выдернул из ножен меч. – Меча моего попробовать хочешь?! Сейчас голову одним махом снесу, – пригрозил он и ловко несколько раз провернул меч в воздухе, демонстрируя свое мастерство. Два других всадника тоже обнажили мечи, но вели себя потише.

– О, вы большие мастера! Так покажите свое искусство зрителям, – попытался таким образом утихомирить «гостей» неожиданно появившийся перед ними Железный Кулак.

– А ты кто такой?

– Я староста деревни. А это мой старший сын. Простите его за вспыльчивость. Мы просим вас вместе с нами порадоваться празднику.

– Ладно, пусть поживет еще твой выродец! А вот вам подарки на Новый год! – с этими словами трое всадников с силой воткнули острые пики в землю. Затем вытянули из мешков отрубленные свиные головы с белеющими рылами и запекшейся на шейных срезах стутках почерневшей крови. Толпа ахнула в брезгливом ужасе. Коня заходили под верховыми. Но они сумели насадить головы на древки пик и, громко заготовав, развернули коней, поддали им под бока и, сорвавшись с места, ускакали, оставив людей в глубоком страхе, недоумении и молчании. Их дикий хохот и гулкий стук конских копыт еще долго звучал в наступившей тишине. Люди были столь испуганы, что даже боялись громко рогатать и негодовать и лишь тихо перешептывались между собой. Веселье завершилось. Народ медленно, в молчании стал расходиться с рыночной площади по домам.

Ваншан в злости повалил ногой пики, и свиные головы попадали на землю.

– Э-эй, люди! Не расходитесь! – раздался в воздухе голос Железного Кулака. – В мечети для вас приготовлено угощение! Хватит на всех!

Часть толпы, в основном из своих, оживилась и двинулась в сторону деревенской мечети. Жители соседних деревень предпочли побыстрее убраться домой. Возле валяющихся на земле голов остались лишь любопытные детишки. Они вооружились палками и хворостинами и, повизгивая от страха, колотили их со всех сторон. Вскоре появился Эбду с тремя мотыгами на плечах.

– Ну-ка, хватайте! – обратился он к Ваншану и Мусе.

– Эй, мелюзга, разбежалась! – Муса скривил страшную физиономию. Дети только рассмеялись в ответ.

– Куда потащим? – хмуро спросил Ваншан.

– Давай в реку сбросим, – предложил Эбду. Они подцепили головы на мотыги и двинулись к реке. Мимо них возвращались домой жители соседней деревни.

– Ублюдки! Людям такой праздник испортили... Надо было все-таки взгреть их, – с сожалением в голосе проворчал Ваншан, глядя на людей с унылыми лицами.

– А если бы этот бандит тебе голову снес? Вон каким мечом размахивал, – заметил Муса.

– В том-то и дело, что размахивал. Как граблями в огороде. А мечом работать надо. Отдубасили бы мы их от всей души. Зря уйти дали.

– Да и черт с ними. Всех не проучишь, – успокаивающе проговорил Эбду. – Не забывай, что спрос за всё теперь с отца.

– Это меня и сдержало, – ответил Ваншан.

– Ну всё, вроде дотащили. Тяжелые они, однако, – первым остановился на берегу реки Муса.

Сброшенные в воду свиные головы течение никак не захватывало, и они всё время прибывались к берегу, застревая в зарослях камыша. Все трое довольно долго отпихивали их своими мотыгами как можно дальше, пока вихрящийся круговорот не подхватил и не унес, наконец, их с собой. В этот момент вдали раздались крики. Они шли от небольшой заводи, окруженной камышом и редкой ивовой рощицей, чуть в стороне от дороги к Небесным Тополям. Там, понуро опустив головы, стояли три нерасседланные лошади. Среди деревьев медленно собиралась толпа.

– Э-э, да это же кони наших «гостей», – заметил Ваншан.

Эбду, Ваншан и Муса поспешили туда. Трое всадников лежали на земле. Казалось, что, изрядно напившись, бузотёры мирно, тихо спят. Но, приблизившись к словно окаменевшей вокруг них толпе, Эбду, Ваншан и Муса точно так же замерли в ужасе, а души их пронзил черный холод смерти. Трое залитых кровью с головы до ног обидчиков лежали, застыв в неестественных, судорожных позах с широко открытыми ртами и искаженными от боли и жути лицами. Свежая кровь еще не спеклась и алела неестественно ярко на краях среза. Из перерезанных до самых шейных позвонков гортаней торчали белеющие хрящи и нервные жилы. Убийца явно обладал сильной, мастерски отточенной рукой. На каждую жертву он потратил всего лишь по одному удару, не оставляя никаких шансов на выживание.

Ваншан отвернулся в сторону и, сложив ладони перед собой, быстро нашептал два, отгоняющее шайтанов и прочие злые силы.

– О, Всевышний, кто так жестоко покарал этих недоумков? – еле слышно обратился Муса к Эбду.

– Это всё неспроста, – задумчиво отозвался Эбду. – Это начало.

Слова показали Мусе странными и пугающими.

– Что ты там каркаешь? – испуганно спросил он.

– Большая беда идет, – сжав губы, твердо процедил Эбду. Его отрешенный взгляд был устремлен в неведомую даль, словно он наблюдал нечто, только ему видимое.

Из деревни торопливо тянулась цепочка зевак, прослышавших о страшной смерти обидчиков.

– Аллаху акбар! – зазвучало в воздухе у реки. – Аллаху акбар!

– Чудо!.. Аллах наказал неверных!.. – радостно передавалось в толпе. Весь пережитый страх и унижение, гнев и ярость вылились в низкую месть толпы. Люди, отгалкивая друг друга, прихватывая комья мокрой земли, куски сухой глины, речную гальку, спешили к телам мертвецов. Они проклинали, закидывали грязью, заплевывали их.

– Люди, нельзя глумиться над убитыми!.. Остановитесь!.. Не берите грех на душу!.. – кричали словно в пустоту ахун Ма Лихэр и староста Железный Кулак. Никто не хотел даже на миг остановиться и прислушаться к их словам. Но всё прекратилось так же внезапно, как и началось. Неожиданно раздался крик: «Солдаты!.. Маньчжурь!..»

Издали прямо на них рысью шел отряд конных всадников, взбивая за собой дорожную грязь. Впереди отряда развевалось знамя темно-синего цвета с вышитым красными нитями извивающимся драконом. Гул копыт устрашающе усиливался. А когда под кожаным боевым шлемом командира, скачущего рядом со знаменосцем, люди признали офицера Тун Бао, их охватила жуткая паника.

– Это тот самый!.. Большой маньчжур снова едет сюда!.. – В страхе, с криками, воплями и причитаниями побежали они назад в деревню. Рядом с Эбду, тяжело дыша, неслись Ваншан и Муса. Эбду чуть приостановился и оглянулся назад. Отец, местный ахун Ма Лихэр и кузнец Подкова почти не отставали. А вот хромоногий повар Яма-Кочка из придорожного трактира остался далеко позади и еле волочил ноги. «Черт побери, его же сейчас схватят», – мелькнуло в голове Эбду. Он круто развернулся и кинулся к повару.

– Беги, спасайся! Не думай обо мне! – прохрипел Яма-Кочка. – Всевышний не оставит в беде!

– Вот он и послал меня за тобой, – подхватив повара под плечо, выдохнул Эбду и потащил его за собой. Уйти далеко от конных всадников им, конечно же, вряд ли удалось бы. Но отряд, к удивлению Эбду и других удирающих, совсем не собирался гнаться за ними. Громоподобная команда Тун Бао остановила его у дерева, под которым лежали убитые солдаты из добровольческой армии. Всадники спешили.

– Смотрите и запоминайте! Расскажите всем о злодействах дунган! – сидя на гарцующем коне, вдувал в уши ханским добровольцам Тун Бао.

Страшная картина не могла не ужаснуть товарищей по оружию. Сердца наполнялись смертельной злобой. Глядя на оскверненные тела, их руки сами тянулись к мечам.

– Кровь и месть! – прозвучал клич Тун Бао. Точно брошенный факел в бочку с порохом, взорвали его слова преисполненные гневом души солдат. Они тут же подхватили клич Тун Бао.

– Кровь и месть!.. Кровь и месть!.. Кровь и месть!.. – еще долго и далеко разносился зловеющий клич над тихой рекой Вей. Затем, забрав с собой тела убитых, отряд ушел назад в свой лагерь. А попрятавшихся по домам жителей деревни Небесные Тополя окутало страхом. Многие чувствовали себя жалкими насекомыми, попавшими в паучью сеть, когда липкая, тягучая, прочная паутина сжимает пространство жизни, парализует, лишает воли. В унынии и молчании они дрожали за запертыми воротами, уповая на волю Всевышнего.

Однако не все решили покорно следовать судьбе. В мечети собралась внушительная толпа. Возле местного ахуна Ма Лихэра стоял Ян Железный Кулак, который взял слово.

– Люди, я хочу сказать... – он провел глазами по собравшимся, – мы, оказывается, бегаем быстрее зайцев. Даже в детстве я не видел, чтобы ахун Лихэр и кузнец Подкова так резво неслись по полю.

– А сам-то? Впереди всех был, – сквозь пробежавшие по молельному залу смешки громко припомнил Железному Кулаку кузнец Подкова.

– Пока я бежал, успел о многом подумать. И вот что пришло мне в голову, – стал развивать свою мысль Железный Кулак, и лицо, и голос его сразу же стали серьезными. – А почему солдаты не погнались за нами и не порубали всех, как капусту в огороде?..

– И почему же? – раздалась заинтересованные возгласы.

– Отвечу. Потому что они ни сном ни духом не чуяли о смерти своих соратников. Мы все заметили, что маньчжур-командир повел солдат напрямиком к дереву. Значит, только он знал, что там лежат убитые. Уж не он ли их и прикончил? Возникает вопрос, а зачем он это сделал?.. Ответ прост – маньчжуры хотят обвинить в убийстве нас, дунган, и расправиться с нами, как они сделали это с нашими единоверцами в Юньнани.

– Верно!.. Похоже, что так!.. Не зря генерал здесь целую армию сколотил... – раздалась голоса.

– Братья, – сделал шаг вперед ахун Ма Лихэр, – я не хотел раньше времени будоражить народ. Думал, это неправда. Два дня назад писарь Ма Хэпинь передал мне секретное письмо. В нем приказ самого императора – вырезать всех дунган в Поднебесной. И сделать это должен генерал Мао Хунлинь. Теперь всё ясно. То, что случилось сегодня, – предлог, чтобы начать против нас войну. – В наступившей тишине его негромко сказанные слова прозвучали подобно грому среди ясного неба.

– Так что нам делать?.. Нас перережут, как кур на обед... – озаботилась, зашевелилась взволновалась толпа.

– Отправляйте стариков, жён, детей к нашим братьям в Ганьсу, Циньхай. Там горы. Есть где спрятаться. А те, у кого есть еще сила в руках, пусть запишываются в деревенское ополчение, получают оружие и готовятся к войне. Другого пути у нас нет, – закончив говорить, ахун Ма Лихэр сложил ладони перед собой и прошептал дуа. – Аллаху акбар! – его ладони скользнули по лицу.

– Аллаху акбар!.. Аллаху акбар!.. – повторили несколько раз за ним возбужденные голоса, после чего в мечети наступила тишина. Люди погрузились в тяжёлые раздумья. Никому не хотелось верить в слова ахуна о войне, хотя ее дух витал в воздухе уже давно. Дунгане знали об отрядах ханьских добровольцев, знали о лагере с солдатами генерала Мао Хунлиня, знали о жестокой расправе над своими единоверцами на юге страны. В дунганских деревнях создавались отряды самообороны. Однако в душе все продолжали надеяться на чудо.

– А я никуда не уйду! – внезапно раздался голос местного мясника Лю по прозвищу Толстяк. – Пятьсот лет живем здесь. Всякое бывало. Может, и сейчас пронесет.

– Не пронесет. За убийство солдат вся деревня отвечать будет. Казнят каждого пятого мужчину. Таков закон, – вступил в разговор Железный Кулак.

– А если бунт подыдем, всю деревню сожгут, – парировал мясник.

– Поверь, ничего хорошего нам не светит. Поэтому мы должны показать свою силу. Только овцы безропотно шеи под волчьи зубы подставляют. А если дадим отпор, то с нами и говорить по-другому начнут. Сила уважает силу, – высказал свою точку зрения Железный Кулак.

– Сами мы никогда не подыдем руку на власть. Но если она придет убивать нас, рушить дома и поля, то сам Всевышний благословит нас на священный джихад, – поддержал Железного Кулака ахун Ма Лихэр.

– В такие времена каждый поступает, как ему велит его разум. Я не пойду против власти. И из деревни не уйду, – твердо заявил мясник Лю. А про себя подумал: «Не родился еще чиновник, который откажется от хорошей взятки. Дам на лапу и буду жить спокойно. А вы, идиоты, идите и войте себе на здоровье».

– Толстяк Лю прав в одном, – сразу после его ухода произнес ахун, – каждый волен в своих поступках.

Из мечети тихонько, склонив головы и не глядя в глаза другим, вышли еще несколько человек...

– Слышал, что нас ждет? – Эбду пихнул стоящего рядом Мусу в бок.

– Не глухой, – промычал тот.

– Ну и что думаешь? – стал допытываться Эбду.

– Кто? Я?

– Да, ты... Что делать-то? – непривычно потухшим голосом спросил Эбду.

– Что делать? – Муса почесал всей пятерней массивный затылок. – Драпать надо. В горы. Всей деревней. И чем скорее, тем лучше.

– Боишься, значит?

– Боюсь совсем без головы остаться. Ты же знаешь, я еще жениться хочу.

– Ну да, – Эбду на время задумался. – А для чего, скажи мне, мы тогда отряд создавали? Чтобы в горах отсиживаться? – неожиданно его голос наполнился какой-то внутренней силой.

Муса бросил на него удивленный взгляд.

– Ты что, на самом деле воевать собрался?

– Не воевать, а защищаться.

– Хм-мм. Велика разница...

– В том-то и дело, что велика.

– И в чем она?

– Кто защищает себя, семью, свой дом и погибает, то он – шахид. Разве есть на земле что-то достойнее и благороднее этого звания?

– Нет, – ответил Муса. Затем добавил: – Я сейчас вспомнил, как ахун рассказывал, что шахиды попадают прямоком в рай, где их ждут почести. Но они всё время желают вернуться на землю, чтобы еще и еще раз пасть смертью шахида.

– Вот и я хочу быть таким, – прозвучал голос Эбду.

– Я тоже, – отозвался Муса.

– Так, давай соберем всех наших. Определимся с каждым.

– Давай. Завтра встретимся у тебя в школе, – согласился Муса.

На следующий день в школе ушу собралось не менее ста человек. Обычно шумные, вечно подтрунивающие друг над другом молодые крепкие парни вели себя в этот раз сдержанно, говорили вполголоса. Сказывалось напряжение, сковавшее жителей деревни.

– Друзья, – окинул собравшихся жестким, немигающим взглядом Эбду. Муса даже вздрогнул, когда их глаза встретились. Таким он видел его впервые. В нем появилась скрытая, затаившаяся сила хищника. – Не сегодня завтра появятся солдаты, начнется резня, – продолжил он. – Сейчас каждый решает сам: воевать, бежать или сдаваться... Вон там под навесом лежит оружие. А сзади открытые ворота... Ваш выбор никто не осудит.

Каждый погрузился в раздумья. Наступила гробовая тишина. Стояла она недолго. Раздалось легкое покашливание, и зазвучал голос Мусы.

– Друзья, я так думаю. Кого ноги с теплого кана подняли и сюда принесли, тот, значит, решил драться. Правильно?

– Верно, – прозвучало в ответ.

– Я пересчитал всех. Нас ровно девяносто, – продолжил Муса. – Нет только братьев Лю, Сулизы и Гащима. Может, деньги прячут. Может, жены молодые не пускают. Чего гадать...

Не успел он закончить речь, как в воротах раздался голос:

– Эй, Муса, гадалка-то из тебя не очень, – приближаясь к толпе, проговорил Сулиза, старший из братьев Лю. – Мы обоз с родителями в Сининь отправляли. А затем с соседями из других деревень языками зацепились.

– Ну что? Придут на подмогу? – затаив дыхание, спросил Эбду.

– Черта лысого... Говорят, сами кашу заварили, сами расхлебывайте. Придурки... – произнес и плюнул под ноги Сулиза.

– Хорошенькая новость, – вздохнул Эбду. – Ладно, разбираем оружие. Затем разобьемся на группы, организуем собственную разведку. Командиром разведчиков предлагаю выбрать Мусу.

При появлении в мечети отряда Эбду на них посыпался град подковырок от родителей: «О, смотрите, цыплята в драку лезут... Отряд молокососов... Ну, теперь нам никто не страшен...» Однако кто-то заметил: «Э-э, да эти петушки покрепче нас будут».

Ребята проявляли положенную учтивость по отношению к старшим и лишь усмехались меж собой, поглядывая на неуклюжие движения своих отцов, размахивающих острозаточенными вилами и тяжелыми мотыгами.

– Мы разместимся снаружи. Там хоть место поупражняться есть, – предложил Эбду своим бойцам. Все с радостью согласилось и быстренько соорудили у стен мечети три большие палатки. Затем Эбду вызвал к себе Мусу: – На данный момент самое важное – это узнать число нападающих и время. Враг тоже попытается выяснить наши силы. Поэтому не только следите за каждым его шагом, но и выслеживайте всех подозрительных. Сообщайте сразу же обо всем в штаб.

Наставления Эбду вызвали в голове у Мусы некое удивление и восхищение: «Надо же, на глазах превращается в умного, прозорливого командира».

* * *

Генерал Мао Хунлинь принимал доклад Тун Бао у себя в штабном шатре. Он сидел на стуле с высокой спинкой. На приставленных по бокам стульях пониже расселись Чжан Сяолунь и три полковника. Снаружи шатер охраняли стражники. Тун Бао сдал им свое оружие и вошел внутрь. Отбив положенные поклоны и сняв с головы боевой шлем, он замер, не подымая взгляд выше груди сидящего генерала. Вместе с легким взмахом руки раздался голос:

– Командир Тун Бао, докладывайте.

– Мой генерал, ваше задание выполнено, – бодро доложил он. Затем, покачивая головой, с ухмылкой на лице добавил: – Эти трое лучших добровольцев оказались просто новогодними гусями. И как мы с такими в бой пойдём?

– Других, к сожалению, нет, – прозвучало из уст генерала. – Продолжайте.

– Да. Дунгане сделали нам большой подарок. Они, видать, были так злы на этих «гусей», что, обнаружив их еще теплые тела, стали глумиться над ними: заплевали, забросали грязью. Когда солдаты увидели такое, их сначала охватил ужас, затем ярость. Они хотели кинуться и снести с лица земли всю деревню. Еле сдержал, – Тун Бао закончил говорить и, склонив голову, застыл.

– Правитель Чжан, – повернулся генерал к поспешно соскочившему со стула Чжан Сяолуню, – тела убитых дунганцами добровольцев отправлены на обзор населению?

– Их возят по всем городским и рыночным площадям. На повозках мы повесили якобы найденное на месте убийства предостережение: «Скоро так будет со всеми неверными!»

– Отличная идея! – похвалил генерал. – Как реагирует народ?

– Возмущению нет предела. Люди требуют мести и крови! – На лице Чжана Сяолуня пылало законное возмущение.

– Итак, друзья, будем считать, что операция «Желтая буря» началась весьма успешно, – на лице генерала промелькнула зловещая улыбка, а в сужившихся щелках глаз затлел недобрый огонек. – Прошу всех подойти к карте.

На огромной штабной карте от черного круга, обозначавшего военный лагерь, разбегались во все стороны тонкие цветные стрелки с номерами добро-

вольческих батальонов. Жирная, красного цвета стрела указывала прямо на деревню Небесные Тополя.

– Армия будет готова к общему выступлению через неделю. Не раньше. А мы для начала проведем акцию возмездия. Операцию возглавит полковник Чжан Ян Сы.

* * *

После праздничного новогоднего ужина в родительском доме Янлинь вернулась к себе и по традиции не ложилась спать до самого утра, чтобы не упустить свое счастье. Много передумала она за это время. Но все мысли непременно сходились на Эбду и растущем в животе ребенке. Она вспоминала слова любимого, и ей хотелось верить, что они будут вместе. Всегда. Так и уснула она, сидя у окна, сквозь которое уже давно виднелся алый солнечный восход. Разбудила ее верная служанка по имени Ван.

– Госпожа, просыпайтесь! Просыпайтесь скорее! – она тормошила погрузившуюся в сладкие грезы Янлинь.

– Что?! Что-то случилось? – увидев встревоженное лицо служанки, встрепетнулась Янлинь.

– Беда! Ой, беда, госпожа! – в ответ неслись одни причитания.

– Что-то с родителями? Пожар? – слетело с языка первое пришедшее на ум.

– Война, госпожа!

– Какая война?!

– С дунганами.

– Ты что, бредишь?

– Нет, госпожа. Слушайте меня внимательно. Мой непутевый племянник Ли, ну, вы хорошо знаете этого бездельника, вечно он у вас деньги клянчил...

– Помню, помню. Но он давно не появлялся.

– Точно. С тех пор, как добровольцем в народную дружину записался. Их какие-то полковники из Хунаня обучают день и ночь. Так вот, сегодня рано утром он появился у меня, чтобы подарок свой забрать. Я ему всегда на Новый год дарю десять лян. Деньги немалые. Если бы он их с умом тратил... А то или с друзьями пропьет, или на певичек из веселого дома спустит.

– Тетушка Ван, а ты можешь сейчас не об этом?

– Да, да, госпожа. Так вот, он такое понарассказывал... Я сначала не поверила. Думаю, врет подлец. А потом соображаю – зачем ему такое городить? Денег ведь больше положенного я ему всё равно не дам...

– Кхе-кхе, – кашлянула Янлинь.

– Да, да. Оказывается, в Небесных Тополях дунгане ни за что ни про что убили трех добровольцев из народной дружины. Они пришли посмотреть танец дракона, а им головы отрезали, оплевали, грязью закидали...

– Ужас какой.

– Вся армия стала требовать мести. И тогда сам генерал Мао Хунлинь дал приказ начать войну против дунган. Первыми вырежут всех жителей Небесных Тополей. Племянник так и сказал: «Этих приказали перерезать всех. От млада до стара. Дома сжечь, сровнять с землей».

– Так там же Эбду живет, – похолодела от ужаса Янлинь.

– И я о том же подумала, – вздохнула служанка.

– И когда всё начнется?

– Сегодня ночью. В пятую стражу.

– Я еду к нему, – решительно заявила Янлинь.

– Я не могу пустить вас одну, госпожа. Это очень опасно. Вас могут убить.

– Тогда поедешь со мной. Иди за повозкой.

Вскоре у дома Янлинь стояла крытая конная повозка.

– Гони, и побыстрее, в Небесные Тополя! – приказала извозчику тетушка Ван.

– Куда?! – молодой извозчик-дунганин с белой шапочкой на голове немало удивился: «Чтобы две ханьские женщины в дунганскую деревню, да еще после произошедшего?..» Он тут же запросил двойную цену и, получив сполна, погнал лошадь быстрой рысью к реке на ближайшую переправу. Перебравшись на другой берег, повозка покатила мимо дунганских селений, цепью растянувшихся вдоль реки. Они заметно отличались от запущенных, обнищавших ханьских деревень не только минаретами с луковичными куполами и серпами-полумесяцами, но в первую очередь ухоженными огородами, полями и аккуратными домами, за высокими глиняными заборами котормых ощущался достаток.

– Смотри, а люди никуда не бегут, – заметила Янлинь и чуть сильнее приоткрыла занавеску на оконце, чтобы в нее могла посмотреть тетушка Ван.

– Значит, они ничего не знают, – ответила служанка. Перед их взглядами на улочках возле своих домов весело играли, забавлялись детишки. – Эй, парень! – крикнула она извозчику. – Судя по твоей шапочке, ты дунганин, верно?

– Верно.

– А ты слышал, что добровольцы генерала Мао готовятся Небесные Тополя сжечь?

– Слухи всё это, – с безмятежной ухмылкой бросил в ответ извозчик. – Много разной ерунды сейчас говорят.

– И какой? – не отставала служанка.

– Да будто нас всех перерезать хотят.

– А ты что, не веришь? – удивилась она.

– Не верю. За что меня резать? Я честно работаю, никого не трогаю.

Янлинь внимательно прислушивалась к разговору:

– А может, действительно, всё брехня? – она дернула за руку тетушку Ван.

– Госпожа, пусть всё окажется брехней, мы только рады будем. Не так ли?

– Да, да, – согласилась Янлинь.

Замолчав и погрузившись в свои размышления, они вскоре въехали в деревню, окруженную со всех сторон высокими, похожими на заточенные карандаши тополями. Суэта ее жителей напоминала встревоженный муравейник. Шум и крики заполнили узкие, кривые улочки. Если к воротам одних хозяев только подгоняли конные повозки, то от других они уже отъезжали, увозя с собой женщин, стариков и детей. Их провожали вооруженные пиками, топорами, мечами, фитильными ружьями мужчины. Проводив своих близких до ближайших пригорков, за которыми начиналась извилистая дорога в соседние провинции, они возвращались в мечеть, просторный двор которой превратился в боевой лагерь. У одной стены расположился ряд котлов, в которых начали готовить пищу, а напротив, у другой, раздавали оружие и сбивали людей в небольшие отряды.

– Небесные Тополя! Приехали! – громко крикнул, обернувшись к женщинам, извозчик. – Куда дальше?

– Мы ищем Эбду, – ответила Янлинь.

– Эбду?.. С таким именем здесь добрый десяток молодых найдется. Слова извозчика ввели ее в легкую растерянность:

– М-мм... Он из рода Ха, – вспомнила она.

– Не его ли отец имеет прозвище Железный Кулак?

– Да, да. Это он. – Эбду много рассказывал ей о своей дружной семье.

– Так сразу бы и сказала, – извозчик дернул вожжи и направил повозку к школе ушу. По дороге Янлинь и служанка всё время выглядывали наружу, внимательно рассматривая происходящее вокруг и совсем не замечая, что за ними, начиная с речной переправы, неотступно следовал всадник на низкой мохнатой

лошадке. Въехав в деревню, всадник остановился возле двух парней, беззаботно сидящих у дерева.

– В повозке ханьские шпионы! Доложите Эбду! – сказав это, он тут же развернулся и отправился назад к переправе. Один из парней кинулся вслед за повозкой, а другой стремглав помчался в сторону мечети.

Подъехав к школе ушу, Янлинь увидела закрытые ворота. Извозчик, приподнявшись на повозке, заглянул поверх них.

– Ни одной живой души! – крикнул он Янлинь.

– А кого вы здесь ищите? – неожиданно раздался громовой голос, заставивший извозчика присесть от страха. Словно из-под земли, рядом с повозкой выросли четверо парней с оголенными мечами в руках. Один из парней выделялся своими богатырскими размерами и запрокинутой набок головой.

– Муса, это я, Лугма из города. Узнаешь?! – с облегчением, увидев Мусу, крикнул извозчик.

– Точно, ты. А там кто? – Муса ткнул рукой в сторону задернутых занавесок.

– Понятия не имею. Мне платят, я везу.

– Здесь две женщины, – раздался голос одного из парней, заглянувшего внутрь.

– Это ханьские шпионки! Не выпускать! В мечеть гони! – приказал Муса, и повозка вместе с вооруженными парнями, прицепившимися сбоку, помчалась в сторону мечети.

– Ты слышала?! Нас приняли за лазутчиц, – испуганно зашептала служанка, – как бы голов не лишиться.

– Не бойся. Мы же к ним с добрыми намерениями, – Янлинь постаралась успокоить ее, хотя и сама подрагивала от страха.

Они быстро домчались до трех палаток у стен мечети. Муса ловко соскочил с повозки.

– Так, выходите и идите за мной! – приказал он. Янлинь и служанка послушно засеменяли за его быстрыми шагами.

– Принимай ханьских шпионов! – радостно выпалил Муса, входя в палатку, где находился Эбду с командирами групп. Все разом оторвались от стола с самодельной картой местности.

– Янлинь?! Тетушка Ван?! – с удивлением воскликнул Эбду и тут же бросился к пленницам. – С тобой всё в порядке? – остановившись возле Янлинь, спросил он.

В палатке все застыли от изумления. Никто не мог понять, какая связь может существовать между Эбду и молодой ханьской особой.

– Я не могла не приехать. Я очень боюсь за тебя, – ответила Янлинь тихим голосом. Затем повернулась к присутствующим: – По приказу генерала Мао на вашу деревню нападут сегодня ночью во время пятой стражи. Никого не оставят в живых, – ее голос стал твердым, а на лице смешались тревога и сочувствие.

– Откуда ты это знаешь? – брови Эбду полезли вверх. Кривошеей Муса не мог повернуть в ее сторону голову, поэтому развернулся всем телом, а Сулиза приподнялся со стула.

– У моей служанки племянник – доброволец. Он ей сегодня рано утром всё рассказал. И мы решили, что надо тебя спасти, – объяснила Янлинь.

– Я вспомнила. Племянник еще сказал, что на вашу деревню отправят какие-то особые батальоны, – воскликнула тетушка Ван.

– А сколько, он не сказал? – тут же спросил ее Эбду.

Она задумалась, видимо, припоминая разговор. Затем выпалила:

– Пять. Точно, в пятую стражу, пять ударных батальонов. Вот так, кстати, они называются. Племянник мой там служит. Он хвастался, что у них одни удалыцы и головорезы, и оружие хорошее, не то что у обычных солдат.

– Ладно, бабка, страху-то на нас не нагоняй, – неожиданно остановил ее Муса.

– А может, тебя специально подослали? – подозрительно поглядывая на нее, вставил из-за стола Сулиза.

– Друзья, будьте спокойны. Никакие это не шпионы. Им можно верить, – успокоил друзей Эбду. – Это Янлинь, моя невеста...

Это известие стало не менее шокирующим для присутствующих. Теперь у них от изумления пооткрывались рты, и на некоторое время они утратили дар речи.

– Когда закончится этот кошмар, мы женимся, – добавил Эбду и повернулся к любимой. – Янлинь, я очень хотел тебя навестить. Но видишь, что сейчас происходит... А про новогодний подарок я не забыл. Дай руку, – он вытащил из внутреннего кармана стеганой куртки дорогой нефритовый браслет. – На счастье, – шепнул он и надел ей его на руку.

– Какой красивый, – восхищенно залюбовалась браслетом Янлинь. – А мой подарок ждет тебя дома.

– Не беспокойся, я обязательно за ним зайду, – улыбнувшись, заверил ее Эбду.

– Я так рада, что увидела тебя. Теперь могу возвращаться домой со спокойной душой.

– Янлинь, то, что ты приехала сюда и рассказала нам, стоит многих спасенных жизней. Спасибо. Но тебе действительно надо срочно возвращаться.

Извозчик Лугма нетерпеливо ждал, прохаживаясь возле повозки. Поначалу его забавляли вооруженные мотыгами и вилами крестьяне. «Ну, глупые людишки. Вот с этим вы против генерала Мао воевать собрались?» Но по мере того, как увеличивалась толпа и в руках многих стали появляться длинные ружья, сверкающие сталью мечи, цепи с хищными крюками, острые, боевые пики и молоты, до Лугмы стало доходить, что готовится нечто очень серьезное, и его стало пробирать беспокойство, медленно переходящее в страх. Он уже пару раз порывался сорваться отсюда. Но приглядывающий за ним молодой боец строго указывал стоять на месте. Наконец, увидев идущих к повозке в сопровождении Эбду Янлинь и служанку, Лугма чуть успокоился.

– Эбду, я буду просить духов уберечь тебя от бед, – прошептала у повозки Янлинь

– Я отдаю себя в руки Всевышнего, – глядя в чистое прекрасное лицо Янлинь, произнес Эбду.

Когда повозка скрылась за деревьями, Эбду круто развернулся и прямоком помчался в мечеть. Народу там собралось не менее тысячи. Из них решили сформировать два батальона. Батальоны раздробили на сотни. Общее командование взял на себя ахун Ма Лихэр. Его заместителем стал Железный Кулак. Командиры столпились у стола в центре молельного зала над склеенной из нескольких полос бумаги самодельной карты с нанесенными на ней черной тушью рекой Вей, дунганскими деревнями, речными пристанями, единственным мостом неподалеку от Сианя и военным лагерем генерала Мао.

– Разведка доносит, что из лагеря в нашу сторону двинулась колонна конницы. Это пока всё, – сообщил последние новости ахун. – Сколько их – неизвестно. Идут прямо на нас или начнут с соседей, этого мы не знаем. Когда начнут атаку, тоже непонятно, – он развел руками в стороны.

– У меня есть срочное сообщение! – сквозь толпу протолкнулся Эбду. – На нас идут пять ударных батальонов. Атака назначена на пятую стражу. Генерал лично приказал вырезать всех, а деревню стереть с лица земли, – его слова походили на внезапные ледяные градины, бьющие по горячим телам в летний зной.

– Эбду, откуда такие сведения? – спросил ошеломленный отец.

– От человека, которому я верю, – ответил Эбду.

Услышав известие о пяти ударных батальонах, командиры впали в уныние.

– Что мы сможем против двух с половиной тысяч головорезов?.. – застонали они в один голос.

– Помощь нужна. Без соседей нам крышка, – согласился с ними Железный Кулак. – Поодиночке мы просто пальцы, которые палочки за столом держат. А вместе – кулак. Стену пробить можно, – он показательно, со свистом рассек воздух своим крепко сжатым кулаком.

– Друзья, подмоги не будет, – печально произнес ахун. – Соседи решили в стороне отсидеться. Глупцы закрыли глаза и заткнули уши. Но не будем осуждать их. Как бы мы поступили на их месте? – он примолк и обвел взглядом людей. Все молчали.

– Ответ знает лишь один Всевышний, – сказал за всех Железный Кулак. – Но мы будем воевать! – решительно продолжил он. – Нас тысяча. Это сила. Выстоим?

– Выстоим!.. – приободрились, воодушевились командиры.

– Тогда нам нужно обсудить план боя, – предложил ахун.

Командиры снова склонились над картой и стали бурно обсуждать место и тактику битвы. Наконец ахун взял кисточку, обмакнул в баночку с тушью и провел жирную линию рядом с рекой.

– Встречаем врага здесь. Разделимся на две половины. Одна идет в лобовую, а другая спрячется вот тут, – он пририсовал линию сбоку. – Когда бой начнется, засада вдарит отсюда. Загоним врага в реку и утопим неверных, как котят. Я уверен, Всевышний на нашей стороне. Аллаху акбар!

– Аллаху акбар! – тут же отозвались радостные голоса, словно победа уже лежала перед ними.

– Можно мне? – раздался громкий голос Эбду. – Можно я скажу?

– Здесь все равны. Говори, – предоставил ему слово ахун.

– Нам нельзя в лобовую. У них есть ружья, луки. Потеряем слишком много людей, – возбужденно проговорил Эбду.

В зале снова наступила тишина.

– У тебя есть другой план? – приподнял с удивлением брови ахун.

Эбду подошел к карте:

– Я со своим отрядом сооружу здесь завал из деревьев. Вот в этом месте, – взяв в руки кисточку, Эбду стал дополнять слова мазками на карте. – Оно самое узкое по дороге к нам. С этой стороны земля болотистая. Кони не пройдут. А с другой – река. Они останоятся, чтобы дорогу расчистить, столпятся...

– Хм-мм... так-так... – внимательно следил за его рассуждениями ахун.

– Вот тогда вы и нападете на них. С тыла. Для этого надо укрыться здесь, – Эбду обозначил место у обводного канала, а затем и направление удара. – Ну а мы нападём со стороны деревни.

Отец смотрел на сына с неподдельным удивлением и восхищением. «Да, я в нем не ошибался», – подумал он про себя. Ян Халифэ сам всегда отличался быстрым умом и сообразительностью, иначе никогда не достиг бы звания Большого мастера и почетного прозвища Железный Кулак. Выходец из потомственного рода бойцов мусульманского ушу, он с детства выделялся среди пяти братьев и к тридцати годам перенял школу у отца. Их школа упорно совершенствовалась три знаменитых стиля: «Распрямяющийся лук», «Копье Али» и «Меч Сулеймана». Из двоих своих сыновей продолжателем семейного дела он видел младшего, Эбду. Не только потому, что Эбду в свои двадцать лет добился совершенства во всех трех стилях. Главное, на что отец обратил внимание, Эбду имел

все качества лидера – четыре основных: твердый, как железо; притягательный, как огонь; пронизательный, как вода; ответственный, как клятва, и еще восемь других, второстепенных. Он знал, что если Эбду сказал, то он уже семь раз подумал и ни за что не отступит от своего.

– Хороший план, – громко прозвучало одобрение ахуна, едва Эбду смолк. – Молодец, Эбду!

* * *

В это же время извозчик Лугма торопливо погонял повозку к уже показавшемуся вдали уездному городу. Пустынная дорога быстро погружалась во тьму. Янлинь, почувствовав вечерний холод, потуже затянула халат.

– Скоро будем дома. Горячий чай выпьем, сразу согреемся, – заметила служанка Ван.

– Как хорошо, что мы предупредили его, – произнесла Янлинь. – Теперь он может избежать опасности.

– Госпожа, он назвал вас своей невестой. Я так рада за вас!

– Многим это не понравится. Вдова должна быть предана мужу до конца своих дней. Не так ли?

– Эту глупость придумали никчемные ревнивые мужчины. Они и с того света хотят за вдовушками своими присматривать. Им что, там делать больше нечего?

– Людские языки острее бритвы.

– Они быстро тупятся, если жить своей жизнью.

В это время извозчик Лугма, чтобы разогнать не покидающее его беспокойство, стал громко напевать.

– Эбду отряд возглавил. Воевать собирается. Я так беспокоюсь за него, – вернулась к своим мыслям Янлинь.

– Знаешь, с дунганами это уже не первая заваруха. Я помню, когда маленькой была, наш тогдашний правитель дунганского священника из какой-то тайной секты арестовал. Много тогда дунган взбунтовалось. Собрались они огромной толпой и на город наш двинулись священника отбивать. Хорошо, из Сианя войско подоспело. Три дня дрались.

– И что, отбили?

– Нет. В Сиань его увезли. А там голову отрубили и долго на стене городской держали.

– А потом?

– Затихло всё. Так и сейчас. Подерутся, и снова мир.

– Ох, тетушка Ван... Завтра поедем в храм, свечи зажжем, попросим небесных духов утихомирить всех.

В этот момент внезапно смолк голос извозчика, повозка резко остановилась, и снаружи послышались громкие грубые голоса. Перепуганные Янлинь и служанка переглянулись, а затем осторожно высунули головы из оконца. Их повозку окружил конный патруль из четырех ханьских добровольцев.

– Эй, белшапочник! А ну на землю! Да поживей! – со зловещей ухмылкой на широком темном лице прорычал всадник, гарцуя на коне. От него разило, как от только что вскрытой бочки.

«Вот черт! Угораздило же», – подумал про себя Лугма. А вслух сказал:

– Я ничего не нарушал. Везу почтенных дам домой, – голос Лугмы предательски задрожал, а спина покрылась холодной испариной.

– Чего ты с ним разговоры водишь? – нетерпеливо крикнул другой и, выхватив из ножен меч, подскочил к нему. – Приказ ротного помнишь? Встретил дунганина – руби голову! – с этими словами он развернул фыркающего в удила коня, зашел с удобной для удара стороны, и в темноте блеснуло лезвие меча.

– Ой! – пискнул в ужасе Лугма и, дернув вожжи, пустил лошадь вскачь. Повозка дернулась и помчалась, трясясь и подпрыгивая на ухабах. От рывка женщины попадали друг на друга и завизжали от страха. «Быстрее! До ворот городских добраться!» – стучало в висках Лугмы. Конный отряд немедля кинулся за ним вдогонку. Они скакали рядом. Им не удавалось на таком скаку достать мечами вжавшегося спиной в стенку повозки извозчика. Лугма видел перекошенные злобой лица преследователей. В руках одного показалась длинная пика. Он пытался поддеть ею и сбросить наземь Лугму. Но повозка тряслась, извозчик яростно отпихивался от острого жала, дырявившего его толстый ватный халат. Тогда отчаявшийся всадник попытался с размаха всунуть пику в бешено вертящееся колесо, надеясь таким образом завалить повозку. Но это привело к совершенно другому результату. Пикой выбило из его рук, и она уткнулась древком в землю, а острие пики каким-то невообразимым образом попало под брюхо его коня и проткнуло бедное животное. От дикой боли конь вскинул высоко вверх круп и, перевернувшись в воздухе, тяжело шмякнулся на землю, придавив со всего маха всадника. Летевшая следом лошадь споткнулась, и сидевший на ней верховой кубарем перелетел через ее голову, издав громкий крик. Услышав вопли и шум, другие всадники осадили коней и бросились на помощь к покалеченным товарищам.

– Оторвался! Спасся! – возликовал Лугма, продолжая гнать повозку. – Аллаху акбар! Аллаху акбар! – нашептывал он про себя, пока не добрался до дома Сун Янлинь. Быстро высадив еле живых от страха женщин у ворот, он стрелой полетел домой.

* * *

К полуночи завал из срубленных тополей надежно перегородил дорогу. В мечети ахун приказал покормить людей. Затем все собрались на молитву. После молитвы Ма Лихэр обратился с напутственными словами:

– Всевышний, ниспослав жизни, одарил человека многими благородными качествами, отличающими его от животных. Однако если мы начнем пренебрегать ими, то тем самым не только не будем исполнять его волю, но и превратимся в дикие, безнравственные, неугодные Всевышнему существа. О чем я? Дело в том, что в последнее время мы стали похожи на овец. Да, да! На стадо овец... Знаете, когда свирепый, голодный волк нападает и рвет горло жертве, остальные овцы стоят в сторонке и мирно жуют траву, при этом еще беззаботно блеют. Но помните! Волк никогда не останавливается. Он убивает овец одну за другой, пока не покончит со всем стадом. Кто-то скажет: а что еще остается делать овцам? Ведь они бессильны перед хищником. Ответ таков – мы не овцы!

– Правильно!.. Верно!.. – раздалось несколько голосов из толпы.

– Сегодня мы идем защищать свои дома, детей, жен и стариков, нашу веру, которая дает нам свободу и достоинство, наше право служить Всевышнему! Аллах не оставит нас в беде! Аллаху акбар! – завершил свою речь ахун.

– Аллаху акбар! – дружно и воодушевленно отозвалось во дворе мечети и громким эхом пронеслось по тихим улочкам деревни.

Разбитые на отряды ополченцы двинулись на боевые позиции. По стылой земле скошенного поля они добрались до места и скрылись в поливных каналах, скользкую промерзшую землю которых застелили сухой соломой. Люди лежали, плотно прижавшись друг к другу. Так приказал Железный Кулак. Он знал, что страх особо крепок, когда человек не чувствует рядом плеча или дыхания товарища. Но чем сильнее сгущалась ночь, тем боязнее становилось защитникам Небесных Тополей. Не ночной холод, а зябкая тьма неизвестности и безмолвие судьбы, вот что остудило их горячий запал и молодецкое удалство. Многим

даже казалось, что они видят, как со звездного небосклона медленно сходят ангелы смерти, и тогда их сердца обволакивал противный, липкий страх. Час смертельной битвы неумолимо приближался, и люди нашептывали про себя дуа, пытаясь с их помощью сбить дрожь с плотно обнимающих оружие рук. Время от времени лунный свет выхватывал пригнувшиеся, бегущие по полю еле заметные фигурки разведчиков.

– Враг на расстоянии двух ли, – прозвучало в очередном донесении.

– Передать всем, враг приближается! – скомандовал ахун.

Люди в засаде затормозили друг друга.

– Давай, глаза продирай! Маньчжуры подходят, – толкали они друг друга в бока.

Сон и забытие как рукой сняло. Сердца людей тревожно и учащенно забились, наполняя тела энергией первобытных охотников. Сильные крестьянские руки наливались мощью, а забурлившая кровь погнала к вискам по взбухшим жилам невидимые флюиды гнева и ярости. Страх в одно мгновение поменялся на жажду чужой крови.

В прозрачном воздухе ночной тиши послышался гул конских копыт. Он усиливался с каждой минутой и несся над скошенным полем, заглушая криканные взлетевших уток, тьяканье потревоженных шакалов и залиvistый перелай деревенских собак. Вдали замерцали огни тысяч горящих факелов. Вытянувшись вдоль реки, колонна походила на светящееся, извивающееся тело гигантского сказочного дракона.

– Как много их, – вздохнул кузнец Подкова.

– Река всех примет, – усмехнулся Ваншан. Ему не терпелось ринуться в бой. Железный Кулак озабоченно поглядывал на него. «Излишняя горячность не лучший помощник в схватке. Не спускать глаз с него», – взял он себе на заметку.

Где-то получасом ранее маньчжурский полковник Чжан Ян Са отдал приказ завершить привал. Батальоны выстроились в боевую колонну. Зловеще пылали факелы. В кровавых отблесках огня перед добровольцами, подобно демону тьмы, гарцевал на коне полковник.

– Бойцы! – загремел его голос. – Мы получили приказ отомстить за погибших товарищей. Мы сотрем с лица земли деревню злодеев! В живых никого не оставлять! Убийцы должны получить сполна! Кровь и месть!

– Кровь и месть! – выплеснулось из двух с половиной тысяч глоток.

Добровольцы этих батальонов считались самыми крепкими, боеспособными и дерзкими среди всей армии народного ополчения. Их черные халаты украшали вышитые серебром ящерицы. По поверию, они приносили их владельцам изворотливость в бою и быстро затягивающиеся раны. После месяцев утомительного обучения не терпелось им проявить себя в деле. Но главное, ими двигала жажда наживы – пограбить чужое добро.

– У этих дунганских скопидомов наверняка есть чем поживиться... Ручки позолотим... – радостно делились между собой ханьские добровольцы, трогаясь с места.

Через некоторое время передовой отряд неожиданно наткнулся на непроходимый завал из срубленных деревьев. Командир авангарда Юн ловко соскочил с коня и с факелом в руках осмотрел свежие места срубов на могучих, лежащих поперек дороги тополях.

– Доложу полковнику. А вы начинайте разбирать, – отдал он команду своему заместителю и, вскочив на коня, помчался докладывать полковнику Чжану.

Тем временем стройные ряды по четверо марширующих конников напирали, теснили друг друга и, уткнувшись в крупы остановившихся впереди коней, стали сбиваться в беспорядочную массу. Часть всадников, съехавшая с дороги в сторону, тут же попала в трясины и, развернув коней, чертыхаясь, повернула назад.

– Почему встали? – грозно спросил командира Юна полковник Чжан.

– Господин полковник, дунгане завалили дорогу деревьями. Срубы совсем свежие. Я отдал приказ расчистить дорогу, – доложил спрыгнувший с коня и склонивший голову командир Юн.

– Сколько времени это займет?

– Пока неизвестно. Деревьев навалено очень много.

– Бегут, ноги уносят. Решили, значит, чуть время выиграть. Что ж... Ускорьте расчистку. Мы не должны позволить им сбежать.

Полковник Чжан был настолько уверен в неспособности дунган к сопротивлению, что ему и в голову не пришло провести разведку, выслать заблаговременно своих лазутчиков.

– Господин полковник, вы не считаете, что здесь возможна засада? – осторожно высказал предположение командир авангарда.

– О чем вы говорите, командир Юн? Такое может взбрести в совсем потерянную, большую голову. А у вас, как мне кажется, она нормальная. Или я ошибаюсь? – высокомерно усмехнулся полковник.

Командир Юн в ответ подобострастно захихикал, попятился назад, вскопчил на подведенного к нему коня и отправился расчищать завал.

– Дорогу командиру Юну! – кричал, расталкивая всадников, его помощник.

Командира Юна всё-таки не отпускало чувство беспокойства. «Что-то здесь не так», – зудело в голове. Он приподнялся на стременах, огляделся. «С одной стороны трясина. С другой река... Нет, неспроста это... Но не буду же я спорить с самим полковником Чжаном», – успокоил себя командир и с криком набросился на солдат:

– Ах вы бездельники! До утра собираетесь дорогу расчищать?! А ну, живее!

В это время последние ряды колонны уперлись в затор. Командиры отделений не знали, что происходит, и ждали указаний.

– Не расходиться! Всем оставаться на местах! – раздавались на всякий случай их команды.

– А облегчиться можно?.. Мы ведь не кони, на ходу не можем, – послышалось в ответ, и раздался дружный смех. После чего, не обращая внимания на окрики командиров, многие всадники съехали с дороги и, спешившись, занялись своими делами. Другие, сообразив, что остановка надолго, последовали за ними, чтобы размять затекшие ноги. От затаившихся в каналах защитников деревни многих разделяли считанные шаги. В тусклом сиянии лунного света поблескивали серебряные нити вышивок, чернели купола боевых шлемов над желто-восковыми лицами.

Железный Кулак пихнул ахуна в бок.

– Брат, самое время, – шепнул он ему.

– Аллаху акбар! – провел ладонями по лицу ахун.

– Аллаху акбар! – пронесся шепот по рядам.

Железный Кулак первым появился на глиняной насыпи. В руке у него сверкал тяжелый меч с широким лезвием. Следом за ним с мотыгой в руках показался Ваншан. В несколько прыжков они оказались у громко хохочущей над какой-то шуткой троицы.

– Это еще кто?! – только и успел с ужасом на лице воскликнуть один из них, как широкий меч снес его голову вместе со шлемом. Двум другим, наверное, показалось, что перед ними предстали демоны ада. От страха они не только не схватились за оружие, а даже не смогли ни звука вымолвить. Последнее, что они услышали в этой жизни, это тупой звук раскалывающегося на части черепа и шипящий свист крови из перерубленного горла.

Волна дунганских ополченцев молча понеслась по полю, сея страх и смерть. Никто из ханьских добровольцев не понимал, что происходит. Из темноты слышались истошные крики ужаса, жуткие предсмертные стоны, ржание испуганных лошадей. Переполох и паника охватили солдат. С воплями о помощи они понеслись к дороге. Командир арьергардной роты спешно сбивал своих подчиненных в боевой порядок.

– Стрельцы! Оружие к бою! – прозвучала его команда.

Тут же не менее пятидесяти бойцов спешили и, припав на одно колено, вытянули вперед бердановские ружья. За ними, не сходя с коней, сотня всадников взяла в руки луки и заправила в них длинные стрелы. Командир вглядывался в черную мглу, откуда с криками и пылающими факелами в руках неслись их солдаты, преследуемые неведомыми тенями. Он чувствовал, как спина покрывается мурашками, а по вискам катятся горошины горячего пота.

– Огонь! – сипло вырвалось из пересохшего от страха рта.

– Там наши! – раздалась недоуменные крики стрельцов.

– Огонь! – вновь повторил командир.

Стрельцы подчинились и дружно произвели залп. Всё заволочло дымом, донеслись хриплые предсмертные вскрики и громкие вопли раненых.

– Свои!.. Не стреляйте!.. – истошно несло из темноты.

Командир замахал руками лучникам, заорал:

– Стреляйте! Там дунгане!

Лучники, не целясь, пустили тучу стрел сквозь еще не рассеявшийся дым. Вновь раздалась душераздирающие крики. И вдруг из зловещей тьмы понесся подобный громовому раскату, всё перекрывающий, неслышанный доселе боевой рев: «Алл-а-а-ху акбар!» Дружно и протяжно он вознесся над заиндевшим полем, нагоняя на ханьских солдат-добровольцев страх. Громкими криками дунганские крестьяне заглушали еще бродящий в их душах ужас первой битвы, крови и смерти. Всё происходящее до этого казалось непонятной, темной игрой, прелюдией перед кровавой драмой. На учениях они с азартом рубили, кололи чучела, боролись друг с другом, сражались, изображали убитых и раненых. А сейчас они убивали уже не понарошку. Биться насмерть, чтобы остаться в живых – этот древний инстинкт заставил даже самых робких сильнее сжать оружие и нацелиться на врага.

– Демоны!.. Духи смерти!.. – завопили солдаты, бросая оружие и взбираясь в седла. Нещадно нахлестывая плетями бока своих коней, они бросились в бегство. Но на их пути, словно из-под земли, выросли деревенские ополченцы. Они ловко путали конские ноги длинными арканами с привязанными к ним железными шарами. Кони падали, а всадники тут же попадали под смертельные удары тяжелых мотыг и секир, пронизывающие уколы пик, рассекающие воздух и доспехи лезвия мечей. Иных цепляли и стаскивали на землю острыми крюками на длинных шестах. Крючья впивались не только в боевые куртки и доспехи, но зачастую попадали в лица, выдирая глаза, разрывая губы и носы. Вопли обезумевших от боли вселяли в живых поистине адский ужас. О пощаде не было и речи. Мольбы и стенания лежащих, ползающих в ногах, не доходили до сердец тех, кто вчера еще был добрым соседом. Их черепа разлетались вдребезги, забрызгивая кровью и мозгами жухлую траву. Вот так мирные крестьяне в мгновение ока превратились в безжалостных воинов-убийц.

Эбду со своим отрядом занимал позицию по другую сторону завала. Они ждали сигнала. И наконец он появился. Услышав долгожданный боевой клич, в руках бойцов тут же ярким огнем запыхали факелы и громко забили барабаны.

– Командир, засада!.. – завопили в ужасе ханьские дружинники, растаскивавшие в стороны тяжелые деревья, и бросились наутек.

– Назад, мерзавцы! Под трибунал пойдете! – напрасно кричал и стращал их командир Юн. Кругом началась паника. Кони с хрипом и ржаньем дыбились, всадники наотмашь стегали не только их, но и друг друга, пытаясь пролезть, протолкнуться и выбраться в широкое поле. Группа всадников попала в трясину и, пытаясь выбраться оттуда, осыпала проклятьями всё вокруг. А рота солдат, недолго думая, кинулась спасаться вплавь через реку. Командир Юн, поддавшись панике, тоже погнал своего коня в темную холодную воду реки Вей.

– Смотри, побежали! – радостно выпалил Муса, вглядываясь в темноту.

– Эбду, давай за ними! – нетерпеливо толкались возле командира разгоряченные бойцы.

– Там может быть ловушка, – подумав, начал говорить Эбду. – Идем тихо. В атаку только по моей команде!

Он и Муса первыми перелезли через завал. В это время вокруг полковника Чжана сбилась добрая тысяча солдат и офицеров. Полковник был опытным боевым офицером и пережил немало атак. «Главное – спокойствие. Солдаты смотрят на командира, как на бога. Как он поведет себя, так и сложится бой», – эту заповедь он познал давно и теперь уверенно держался в седле на гарцующем коне. Яркие языки дрожащего пламени в руках окружавших его факелоносцев высвечивали боевые доспехи, острый шлем и суровое лицо полковника Чжана. Ему быстро удалось выстроить из беспорядочной, перепуганной массы боевой порядок. Первый ряд ощерился выставленными вперед острыми пиками. За ним встали солдаты с длинными ружьями и лучники, положившие на тугие тетивы ровные, тяжелые стрелы с острыми, как бритва, наконечниками. А в глубине обороны, сбившись в тесные ряды, наготове стояла конница. Офицеры выстроились в ряд и ожидали приказа полковника.

– Погасить факелы. Подпустить мятежников как можно ближе. После залпа вперед идет кавалерия. Вас ждет хорошая работа! Мы изрубим этих мужланов в мясной фарш! Всем по местам! – зычно, перекрывая шум, вопли и ржание коней прозвучал его голос.

Ополченцы из Небесных Тополей не ожидали такого успеха. Поле позади них бугрилось темными пятнами вражеских трупов. Они медленно продвигались к рваным огням горящих факелов у штаба полковника, как к свету маяка. Всё реже и реже им встречались горстки китайских солдат, тщетно пытающихся пробиться сквозь их плотный смертоносный вал. Неожиданно огни факелов, словно по команде, погасли.

– Э-э... Что за чудеса! – воскликнул Ваншан. – Никак через реку удрали.

– Похоже на то, – поддержал его сосед справа. На остриях его вил висели лоскутья то ли одежды, то ли человеческой плоти.

– Ускориться нам надо. А то уйдут, – забеспокоился разгоряченный, всё еще не насытившийся кровью Ваншан.

– Народ, давай быстрее!.. Враг через реку уходит! – в два голоса заорали Ваншан и сосед справа.

– Быстрее!.. Быстрее!.. Враг уходит!.. – пронеслось по рядам дунганских ополченцев, и они заметно ускорили шаг.

В то же самое время отряд Эбду скрытно и бесшумно приблизился с другой стороны к горящим огням тех же факелов, и когда они внезапно погасли, Эбду уже хорошо разглядел и оценил затихшие в боевых порядках отряды полковника Чжана.

– Всё понятно. Они готовят нашим засаду, – шепнул Эбду Мусе. – Передать всем – мы начинаем атаку. И теперь главное – побольше шума! – прозвучал его первый боевой приказ.

Среди конников, стоящих в засаде и напряженно ожидавших начала боя, в самом последнем ряду стоял Ван Ли, племянник тетушки Ван. Рядом был его закадычный друг Су Линь, такой же мелкий мошенник. Обоих страх пробирал от

макушек до пят. Ван Ли в душе проклинал своего дружка: «И какого черта я пошел за ним в эту народную милицию? Разбогатеть захотел. Жирных дунган пограбить... Э-эх, дурак... Ну, не всегда денег на хорошую выпивку и закуску хватало. Зато жил себе и жил... А сейчас вот трясусь от страха. Доберусь ли до лагеря живой? – печальные мысли роем вертелись в его голове. – Ох, если выберусь отсюда, сбегу куда подальше, спрячусь в тихом месте и буду доживать свой век. Пусть Су Линь воюет себе дальше, грабит, делает, что хочет. Мне всё равно. Это точно не мое дело. О, духи, помогите только выбраться живым, пережить эту кошмарную ночь!»

Су Линю не хотелось показывать свой страх перед другом:

– Не трясись. Полковник Чжан, говорят, бывал и не в таких передрягах. Так что мы еще пройдемся по дунганским закромам, – с напускной уверенностью прошептал он сидящему рядом в седле другу. Вдруг ему показалось, что где-то сзади треснула сухая ветка. – Ты слышал? – в голосе чувствовался явный испуг.

– Ага, – еле вымолвил Ван Ли.

– А ты слышал? – Су Линь повернулся к всаднику с другой стороны.

– Сиди тихо! Жди команды! – прошипел сосед.

– Идиот глухой, – повернулся и прошептал другу Су Линь.

Все понимали, что операция пошла не по плану, и теперь вместо легкой победы и жирной наживы им надо спасать свои жизни. Вся надежда на опытного полковника Чжана. Его спокойствие и уверенность в действиях слегка ослабили давнее грудь чувство смертельной опасности и тревоги, но беспokoйство всё-таки не покидало людские души, и многие продолжали тревожно озираться по сторонам и прислушиваться к каждому постороннему звуку и шуму. Однако ничего подозрительного вокруг не замечалось и не слышалось. Тем страшнее и ужаснее оказался для них внезапно раздавшийся прямо за их спинами протяжный боевой вражеский клич «Алл-а-а-ху акбар!», за которым, словно змеиные тела, замелькали, засвистели, рассекая воздух, длинные цепи с острыми крючьями.

Ван Ли с ужасом увидел, как железные крючья-пальцы впились в лицо Су Линя. Из-под них брызнула кровь, голова запрокинулась неестественно глубоко назад, а затем и само тело вылетело из седла и пропало во тьме, словно неведомое чудовище одним махом утащило его в свое логово. Он едва успел выдавить из себя какие-то нечленораздельные звуки, как такие же железные когти пронзили боевой халат и, вонзившись в правое плечо, потащили его из седла.

– А-а-а! – закричал он нечеловеческим голосом. Но его крик потонул в общем хоре воплей и стонов, разнесшихся над темными водами реки. Ван Ли грохнулся о землю и тут же увидел перед собой огромное плоское лицо на скосбоченной голове. Оно ему показалось знакомым. «Это же лодочник с переправы», – промелькнула в мозгу последняя мысль в его жизни.

– Первый, – прошептали толстые губы на плоском лице Мусы. Вытянув из бездыханного тела окровавленный меч, он увидел рядом с собой Эбду, протыкающего длинной пикой обмякшего в седле всадника.

– К реке тесните! – громко прокричал Эбду, выдернув пикку и отгоняя в сторону потерявшего всадника коня.

– К реке!.. К реке тесните!.. – пронесся приказ среди «неприметных».

...Полковник Чжан знал, что такое хорошая засада, и предвкушал кровавую победу. Несколько разведчиков отслеживали приближение деревенских ополченцев и беспрестанно докладывали полковнику. Вскоре он и сам высмотрел привыкшими к темноте глазами сбившиеся в плотные ряды тени наступающих.

– Готовьтесь! – шепотом отдал он команду.

Стрельные взвели курки, сильные руки лучников натянули тугие тетивы, солдаты сжали покрепче мечи и пики. Все застыли в ожидании следующей команды. Однако вместо нее неожиданно сзади, оттуда, где скрывались конные всадники, разнесся протяжный, наполненный необычной, молодой силой боевой клич «Алл-а-а-ху акбар!». И следом за ним воздух наполнился шумом кро-

вавой сечи. Дикие вопли, стоны, проклятья смешались со звоном сошедшихся мечей, ржанием вздыбившихся, рванувших в бег коней. Конница смяла передние ряды своих и, промчавшись вперед, наткнулась на ряды деревенских ополченцев, с остервенением принявшихся валить коней и забивать слетевших с них всадников.

– Назад!.. Держать строй! – словно в пустоту неслись команды полковника Чжана и ханьских командиров. Никто и ничто не могло удержать неопытных новобранцев от бегства. Увидев врага впереди себя, конники развернулись и помчались к реке, с ходу влетая в холодные объятия воды. Многие не умели плавать и, слетев с седел, беспомощно барахтались на поверхности, пока отяжелевшая от воды одежда не утаскивала их на скользкое, илистое дно.

Брошенный на произвол судьбы, полковник Чжан заметался, как тигр, зажатый в угол беспощадными охотниками. Вместе с двумя своими штабными офицерами он решил двинуться в сторону завала, туда, откуда шум сражения уже не доносился.

– За мной! – скомандовал он и пришпорил коня.

В это время отряд Эбду продолжал теснить врага к реке. Чуть в стороне показался основной отряд дунганских ополченцев, гнавших остатки солдат в реку. Смертельные схватки шли уже на пологом берегу реки. Оттолкнув от себя обезглавленное тело, подобно подрезанному снопу, обвалившемуся на землю, Эбду обвел взглядом поле битвы. Сражение стремительно заканчивалось и стихало. Мелкая рябь воды пенилась от громко фыркающих лошадей, плывущих на другой берег, и цепляющихся за них всадников. Течение быстро удаляло их прочь. Влажный песок у реки усеяли бездыханные человеческие тела. Кони, понурив головы, медленно бродили меж ними. Неожиданно Эбду заметил трех всадников, остановившихся на речном откосе. Окинув быстрым взглядом побоище, они резко развернули коней и двинулись в сторону завала. В лунном свете мелькнул шлем с высоко торчащим пучком длинных павлиньих перьев. «Э-ээ... Уж не сам командир ли это?» – мелькнуло в голове Эбду.

– Муса! Давай со мной! – он громко позвал друга. Схватив за уздечки первых попавшихся под руку коней, они запрыгнули в седла. Выдернув по пике из пригвожденных к земле тел, друзья кинулись за растворившимися в темноте всадниками.

Догнали они их довольно быстро. Трое офицеров, прыгнув с коней на землю, собирались лезть через завал из поваленных тополей.

– Э-эй, вы не в Небесные Тополя случаем собрались? – насмешливо прозвучал голос Эбду, заставивший полковника Чжана и двух штабных офицеров резко обернуться. Сзади них, спешившись, стояли двое молодых крестьянских парней.

– Олухи деревенские! – в полковнике вскипела ярость. Он не переносил насмешек в свой адрес. – Смерти своей ищите?! – С этими словами он оголил меч и несколько раз, со зловещим свистом рассекая воздух, взмахнул им. Полковник хорошо владел мечом и был опытным бойцом. Краем глаза он заметил, как его соперник воткнул в землю пик и тоже выхватил меч. «Что ж, считаю до трех», – крутнулось в голове полковника. Снять голову с какого-то мужлана для него никогда не составляло большого труда. Сколько таких пало от его острого древнего меча. «Итак: шаг вперед... обманный выпад... разворот и...», – к его удивлению меч рассек пустоту. «Куда это он делся?» – едва подумал полковник, как ощутил невероятно жгучую боль в груди, и прямо, глаза в глаза, в него уперся жесткий, немигающий взгляд. «Вот они – глаза смерти. Точь-в-точь, как у кобры, жившей в нашем доме», – мелькнуло у полковника Чжана в голове, прежде чем он со стоном испустил дух.

«Не зря прием “Зуб дракона” считается таким коварным и эффективным», – подумал про себя Эбду, левой рукой выдергивая из груди полковника острый

кинжал. Тело тяжело, с шумом рухнуло на землю, выведя из ступора других свидетелей смерти полковника Чжана. Офицеры, не сговариваясь, бросились к завалу и, шумно дыша, стали карабкаться по скользким стволам. Муса в два прыжка догнал их и с размаху всадил в спину одному из них свою пику. Удар был такой силы, что прошил насквозь тело офицера и пригвоздил его к поваленному стволу. Бедняга, обезумевший от боли, издавал душераздирающие крики, беспомощно размахивал руками и ногами, пока совсем не обессилел и стал лишь тихо мычать. Второму повезло чуть больше, если можно так сказать. Муса успел полоснуть его своим мечом по бедру, и тот, слегка взвизгнув, соскользнул вниз, оказавшись возле Эбду, который одним молниеносным ударом меча рассек его от плеча до пояса. Услышав затем стоны пригвожденного к дереву тяжелораненого, Эбду склонился над ним и резким движением перерезал глотку.

– Вот и кончились твои мучения. Аллаху акбар! – произнес он над затихшим телом.

* * *

Генерал Мао Хунлинь проснулся хоть и утомленным, но зато в прекрасном настроении. Всю ночь возле него провела новая наложница с красивым именем Нефритовая Фея – подарок губернатора Сианя. Чего стоил только один вид ее маленьких ножек в расшитых цветами туфельках. А какой сладострастной затейницей оказалась... Ну, и он был на высоте. Доблестным воином показал себя.

– Я чувствую себя, как после тяжелого сражения, – приступая к скромному ежедневному завтраку из жидкой просовой похлебки и двух куриных яиц, сваренных в особых травах, проговорил генерал стоящему подле него доктору Хуа То.

Доктор, как всегда, с утра внимательно осмотревший, оцупавший, обнюхавший генеральское тело, был весьма удовлетворен его состоянием.

– У вас всё прекрасно. Я приготовлю пилюли, восстанавливающие любовные силы, – произнес он.

Едва доктор собрался уходить, как в дверях показался взволнованный адъютант Ван Юлинь. Он второпях отбил поклоны и тут же выпалил:

– Господин генерал, плохие новости!

– Что случилось?! Докладывай немедленно!

– Дружина разгромлена. Полковник Чжан убит.

– Что?! – генерал, как ужаленный, подскочил из-за стола. Похлебка выплеснулась, яйца вылетели из фарфоровой чашки и, прокатившись по столу, глухо треснулись о пол. – Не может быть! От кого получено сообщение?!

– От командира Юна.

– Где он?!

– Ожидает вашего позволения.

– Немедленно ко мне!

Командир Юн представлял собой жалкое зрелище. Мокрый, рваный боевой халат, потерянный взгляд, опущенная голова. Он долго отбивал низкие поклоны, пока генерал не прервал его.

– Докладывай!

– Господин генерал, наша дружина попала в неожиданную засаду. Злодеи завалили дорогу целым лесом деревьев. Затем, пользуясь темнотой, напали на нас. Их было столь много, что, несмотря на созданную полковником Чжаном оборону, мы не смогли выдержать натиск. Солдаты бросились бежать через реку. Многие в ней утонули.

– Кто видел, как погиб полковник Чжан?

– Один из дружинников спрятался в речных камышах возле завала из деревьев и видел, как на полковника Чжана и двух его офицеров напал огромный отряд дунган. Полковник долго отбивался, но силы были неравные.

– Клянусь, я уничтожу этот варварский народ до последнего младенца! Офицер Ван, немедленно всех командиров ко мне! – гнев и ярость перекосили лицо генерала, пальцы под длинными рукавами халата сжались в плотные кулаки.

– Стража! – прогремел голос генерала.

Четыре стражника тут же вбежали в комнату.

– Арестовать этого негодяя! – прозвучал приказ. Стражники приставили острия пик к телу покорно склонившего голову командира Юна. – Он обвиняется в трусости и бегстве с поля боя. Увести!

Стража грубо схватила и уволокла обмершего от страха командира Юна. Генерал невидящим взглядом проводил их, медленно развернулся и на отяжелевших ногах несколько раз прошелся по комнате. Он чувствовал биение взбухшей жилы на виске. «Как же так? Как могло такое случиться?» Полковник Чжан Ян Са принадлежал к шестерым соратникам, друзьям детства, с которыми генерал сколотил дворовую банду, а затем и свою знаменитую армию «Хунаньских удальцов». «Настоящими, преданными на всю жизнь друзьями могут быть только те, с кем ты провел свое детство», – считал генерал. С огромным множеством людей сталкивала, сближала и разделяла его судьба. Но доверять и полагаться в этой жизни он мог только на шестерых. После гибели Сун Цзяна таковых оставалось пять. Теперь только четверо.

– Утрата боевых товарищей всегда тяжела. Но еще страшнее оставить их души не отмщенными. Дунгане сильно пожалеют о содеянном, – заметив прижавшегося в страхе к стене доктора, сказал генерал, словно давая обещание своему павшему другу.

– Да-да. Злодейство не должно оставаться безнаказанным, – поддакнул доктор.

– Возможно, мы недооцениваем силу дунган. Как думаете?.. Хотя чего я вас спрашиваю. Вы ведь человек не военный, – гнев еще клокотал внутри генерала, но с доктором он всегда говорил уравновешенно и спокойно.

– Вот именно, как человек не военный, я вам скажу: с ними будет нелегко справиться.

– С чего это вы так решили? – ответ доктора заинтересовал генерала.

– В последнее время я присутствовал на пытках многих дунган. Такого количества людей, готовых выдержать адские муки и умереть, я прежде не встречал.

– Религиозные фанатики, – презрительно процедил сквозь зубы генерал.

– Вот именно, – согласился доктор.

– Тайшины тоже считались фанатиками. И где они? – фыркнул генерал.

– Не забывайте, господин генерал, с момента зарождения и до конца своего существования тайшины продержались всего лишь пару десятков лет. Их религия оказалась пустой и слабой. Они сами в нее до конца не верили.

– А в чем суть и сила магометанской религии?

– Не имею понятия, господин генерал. Но каким-то образом она скрепляет людей и укрепляет духовную силу дунган уже на протяжении тысячи лет.

– Хм-мм... Посмотрим, сколько времени они продержатся против меня, – со зловещей усмешкой на губах проговорил генерал и затем добавил: – Не думаю, что долго.

Через короткое время генерал Мао Хунлинь, облаченный в боевые одежды, сверкал очами перед собравшимися в Западном зале командирами.

– Мы выступаем немедленно. Всю армию под знамена! Я лично поведу солдат в бой! От этих Небесных Тополей не должно остаться ни следа! – Его голос прогремел подобно грому, наполняя души гневом священной мести.

Продолжение в № 11, 2025.